

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

У. Мор, А.В. Селлвуд

«ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ»
ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

ИСТОРИЯ РЕЙДЕРА «АТЛАНТИС»

1940–1941

У. Мор

**«Летучий голландец» Третьего
рейха. История рейдера
«Атлантис». 1940-1941**

«Центрполиграф»

Мор У.

«Летучий голландец» Третьего рейха. История рейдера
«Атлантис». 1940-1941 / У. Мор — «Центрполиграф»,

В этой книге повествуется об «Атлантисе» – самом успешном корабле нацистской Германии, который терроризировал торговое судоходство союзников в Индийском и Атлантическом океанах. За более чем шестьсот дней, проведенных в морях, им было потоплено двадцать одно судно противника. В книге удивительно ярко рассказывается о его «перевоплощениях», искусной маскировке и маневренности.

Содержание

Введение	5
Предисловие	7
К читателю	10
Глава 1	14
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Мор У., Селлвуд А.В «Летучий голландец» Третьего рейха. История рейдера «Атлантис». 1940–1941

Введение

Эта книга, повествующая о судьбе корабля, которым я когда-то командовал, – рейдера «Атлантис» – вернула меня к самым ярким и мучительным воспоминаниям моей жизни. Это воспоминания о настоящей дружбе, способной выдержать любые испытания, и о чудовищной трагедии, страшнее которой не знало человечество.

Людям, служившим на море, Вторая мировая война не давала передышек. Британская блокада была постоянной. Не прекращались и немецкие атаки на торговые пути противника. Как приливо-отливные течения, война за господство на море испытывала взлеты и падения, но велась непрерывно.

Некоторые бывшие противники не могли не признать тот факт, что я всегда относился к ним с глубоким уважением. Я пришел в военно-морской флот пятнадцатилетним юношей и на всю жизнь запомнил неизменное благородство капитана Мюллера, командовавшего «Эмде-ном», а позже – гросс-адмирала Редера. И теперь мне горько думать, что такое поведение может считаться странным и необычным.

Война – суровый «работодатель», выдвигающий жесткие требования и руководствующий своей системой ценностей. Чем больших успехов добивались немецкие рейдеры, тем упорнее настаивало британское адмиралтейство, и это вполне понятно, на том, чтобы команды торговых судов посылали радиосообщения о местонахождении противника. И чем чаще выполнялась это инструкция, тем меньше оставалось у нас возможностей действовать рыцарскими методами ведения войны – давать сигнал лечь в дрейф и делать предупредительный выстрел перед носом атакуемого судна.

В результате погибли люди, которые вполне могли бы жить дальше. Но вряд ли солдат на войне мог вести себя иначе.

Следует отметить, что во многих отношениях нам, команде «Атлантиса», повезло больше, чем подводникам и летчикам. Когда в бой вступают надводные корабли, существует больше возможностей сохранить человеческую жизнь, выполнив свою задачу. И ни одну из этих возможностей, я не могу не отдать должное своей команде, мы не упустили, нередко при этом идя на значительный риск.

Читая рассказ об «Атлантисе», вы узнаете о мужестве британских моряков, которые выполняли инструкции своего адмиралтейства, зная, что тем самым вынуждают нас открыть огонь.

Вы также познакомитесь с моими офицерами и матросами, одни из них погибли позже на других фронтах, другие, оставаясь вдали от дома и цивилизации на протяжении почти двух лет, сохранили спокойствие и выдержку, и за это время я ни разу не столкнулся с серьезными нарушениями дисциплины.

В общем, я могу сказать, что люди, участвовавшие в сражениях в океане, будь это немцы или британцы, скандинавы, голландцы или французы, оставались настоящими моряками, далекими от фанатизма и не находящими «очарования» в войне. Они спокойно делали дело, которое считали своим долгом, и при этом не только подвергались опасности в любую минуту быть уничтоженными противником, но и отражали постоянные, ни на мгновение не прекращающиеся атаки Его Величества Моря.

Я искренне надеюсь, что эта книга, повествующая о суровых буднях войны на море, вызовет у читателей мысль о том, что беспримерная отвага моряков должна служить значительно более высокой цели – миру.

*Адмирал Бернгард Рогге, Гамбург
Январь 1955 года*

Предисловие

*И я слышал голос нищего,
взывающего о пощаде.
И я узнал голос – и он был мой.*

Из стихотворения Киплинга

Бывает очень неприятно понять, что ты угодил в ловушку и что проходящее мимо твоего корабля мирное торговое судно на самом деле оказывается волком, надевшим овечью шкуру. Еще более неприятно обнаружить себя под дулами 6-дюймовых орудий, направленных на тебя в упор.

Именно в таком положении я оказался июньским утром 1940 года, когда мое судно «Сити оф Багдад» встретилось в море с немецким рейдером «Атлантис», команде которого не потребовалось много времени, чтобы убрать маскировку с весьма внушительного вида орудий. А наше вооружение состояло из единственного орудия для защиты от подводных лодок. Выражаясь языком Стэнли Холлоуэя,¹ о сопротивлении «я и не думал». И хотя мы не «взывали о пощаде», когда над головами полетели вражеские снаряды, следовало попросить помощи и призвать к отмщению!

Но наши попытки не увенчались успехом. Едва наш радист успел передать литеру R – сигнал об атаке немецкого рейдера – и наши координаты, пытаясь предупредить об опасности другие суда и дать им возможность скрыться, а также призвать на помощь Королевские ВВС, снаряд сбил стеньгу вместе с закрепленной на ней радиоантенной. Следующий залп – и снаряд угодил в радиорубку, ранив радиста и вдребезги разбив передатчик. Это был конец.

Таковы были неприятные обстоятельства, при которых я, мои офицеры и матросы познакомились с командой корабля, который снова вышел в плавание на страницах этой книги.

После столь жестокого начала того июньского утра последовало ничуть не более приятное продолжение. Нам пришлось наблюдать, как «Сити оф Багдад» медленно скрылся под поверхностью воды. Наше судно присоединилось к другим своим неудачливым собратьям на морском дне. Потом мы в течение ста семи суток находились в качестве пленных на борту «Атлантиса», а помощник капитана Ульрих Мор, который теперь рассказывает историю «Атлантиса», какой он ее видел глазами немца, был нашим «тюремщиком». Наше судно стало третьей жертвой этого рейдера, за ним последовали другие, коих, увы, было очень много. Все они не смогли противостоять мастерству Рогге, его умению застигнуть противника врасплох, действовать стремительно и, я бы сказал, нагло.

Существование британских пленных на борту «Атлантиса» вряд ли можно было назвать приятным, но на «адском судне» «Дурмиторе», описанном Мором с удивительной откровенностью, все обстояло намного хуже.

Когда «Атлантис» атаковал очередное судно, а это, к сожалению, бывало отнюдь не редко, нас запирали под палубой, и, естественно, в такие минуты мы предавались тревожным размышлениям. С одной стороны, мы знали, что, если отсутствует ответный огонь, нашим товарищам по несчастью на каком-то другом судне приходится нелегко. Но, с другой стороны, если подвергшееся нападению судно отвечало огнем, у нас тоже не было повода радоваться, поскольку наше тюремное помещение находилось как раз над погребом боезапаса.

Не думаю, что мне когда-нибудь удастся забыть те ужасные минуты: каждый из нас находил себе занятие, одновременно делая вид, что все происходящее его нисколько не трогает. Шахматные партии, когда фигуры на доске подпрыгивают и падают при орудийном залпе, кар-

¹ Стэнли Холлоуэй (1890–1982) – английский актер, звезда мюзик-холла, автор и исполнитель юмористических монологов.

точные игры, сопровождавшиеся пронзительным воем снарядов и топотом сапог немецких моряков над нашими головами, книги, которые читающие их люди держали вверх ногами, сами того не замечая... Такие моменты забыть невозможно, они навсегда останутся с нами, так же как и память о раненых и убитых товарищах.

Но были и другие штрихи этой картины, которые для нас, бывших пленников «Атлантиса», также останутся незабываемыми. Лично для меня история «Атлантиса» уникальна, причем вовсе не из-за числа успешных операций – такие успехи, и Рогге признал бы это первым, в конечном счете – пустой звук. Все дело в том, что, несмотря на уродство и грязь войны, несмотря на применение самых безжалостных приемов боя, на этом судне существовал дух рыцарства, истинное благородство в отношениях человека к человеку, которое оставляет после себя не ненависть, а уважение.

С тех первых дней войны утекло уже много воды, и много англичан, переживших военное лихолетье, нередко удивляются странной «перегруппировке» сил, происшедшей среди народов. Некогда могущественные европейские государства стремительно утрачивают свои позиции, уступая их другим странам. Мир, как и прежде, остается вооруженным лагерем, где все тратят на вооружение максимум, что могут себе позволить, поглядывая по сторонам с ненавистью и подозрением. Сегодня наши бывшие союзники стали «врагами», а бывшие враги перешли в стан «друзей».

Во время своего вынужденного пребывания на «Атлантисе» я часто размышлял о странности происходящего вокруг: сначала затрачивается масса усилий на то, чтобы уничтожить судно, а потом делается все возможное, зачастую с риском для жизни, чтобы спасти уцелевших жертв своего «успеха». Людей сначала ранят, потом, не жалея сил, лечат. Я вообще часто думал, благо времени для этого у меня было предостаточно, о судьбах людских и их причудливом переплетении, о добре и зле. На берегу концентрационные лагеря были переполнены, под гнетом жестокой тирании гибли невинные люди, а в это время моряки «Атлантиса», и первым из них был Мор, рисковали жизнью, чтобы в условиях страшного шторма подобрать уцелевших моряков с только что потопленного судна и обеспечить им безопасность.

Когда нападению подвергся «Сити оф Багдад», Рогге прекратил огонь в тот самый момент, когда мы были выведены из строя, лишившись своего единственного реального оружия – радиопередатчика. Обращение с нашими ранеными было выше всяких похвал. Продовольствие распределялось справедливо. Отношение команды было корректным, а офицеров – по-настоящему рыцарским. Все это значительно отличалось от ситуации на других судах. Хотя мы ненавидели жизнь в неволе, все же не могли не признать, что переполненность «тюремных трюмов» и связанный с ней дискомфорт в конечном счете явился следствием желания Рогге спасти как можно больше людей, не бросая их на волю волн.

Когда я отчаянно молился, чтобы Всевышний направил один из наших крейсеров, чтобы воздать «Атлантису» по заслугам, я и подумать не мог, что однажды назову пленивших нас офицеров своими друзьями. Однако не только я, но и офицеры с других судов, не только британских, но и норвежских, несмотря на суровые обстоятельства, испытали подобные чувства и впоследствии встречались с Рогге и Мором с большой сердечностью. Именно это, я полагаю, делает историю «Атлантиса» отличной от большинства других.

На страницах этой книги вы прочтете, как постепенно счастье начало изменять немецкому рейдеру. К несчастью, это произошло не скоро. Вы узнаете, как охотник стал дичью. Думаю, в конце вы почувствуете, что оба – и охотник и дичь – по сути, похожие человеческие существа, волею обстоятельств одетые в разную форму и состоящие на службе разных государств.

Мне кажется, все должны понять: если мы, люди, не усвоим истину, гласящую, что «в войне не выигрывает никто», наша раса вполне может исчезнуть с лица земли, как птица додо.

Это относится ко всем людям, независимо от владеющих ими в данный момент идей, расовой и классовой принадлежности.

Иначе

За пологом про «я» и «ты» порою шепчут,
Но полог упадет – и где мы, ты и я?

Омар Хайям. Рубаи XXXII

Капитан Дж. Армстронг Уайт,

«Сити оф Дурбан» (первый рейс, август 1954 года)

К читателю

Мое знакомство с приключениями корабля-16 началось с элементарного журналистского любопытства. Сначала меня всего лишь привлекло название, и лишь потом я понял, что должен узнать все, что можно, о странствиях этого удивительного корабля.

Мор неоднократно упоминал, что его больше всего удивил сам факт выхода «Атлантиса» в море. «Наши планы постоянно срывались, и временами мы считали, что никогда не начнем».

То же самое можно сказать и о книге «Рейдер-фантом». Когда я впервые познакомился с информацией о корабле-16, шел 1947 год. Когда я начал обдумывать возможность написать о нем, был уже 1949 год. Новая информация о его деятельности стала доступной только в 1953 году. После нескольких фальстартов я, наконец, в конце декабря 1953 года дал себе команду «полный вперед!» и получил свидетельство очевидца «с другой стороны», ответственного за многие военные хитрости, позволившие рейдеру-фантому совершить самый длительный в истории войны на море боевой поход.

Мой интерес к истории «Атлантиса» возник в процессе изучения материалов совещаний фюрера по военно-морским делам, протоколов встреч Гитлера с руководителями военно-морского флота Германии, которые были захвачены в конце войны и изданы адмиралтейством.

Мне крепко запомнилась одна фраза из доклада Редера. Не знаю почему, тем более что она была очень короткой, ведь мозг главнокомандующего ВМФ был занят куда более серьезными проблемами. Согласно протоколу далее главнокомандующему предстояло «обсудить в личной беседе с фюрером детали, касающиеся вторжения в Англию».

«Корабль-16 должен установить мины в районе мыса Агульяс и вести военные действия против торгового судоходства в Индийском океане...»

Корабль-16? Я о таком не слышал. Говоря о надводной составляющей войны на море, вспоминаются «Бисмарк» и «Тирпиц», «Шарнхорст» и «Гнейзенау», «Хиппер» и «Ойген». Эти имена символизировали мощь, которой так долго противостоял Королевский военно-морской флот и над которой в конце концов одержал такую убедительную победу. «Граф Шпее» и его дымящиеся обломки в устье Ла-Платы, «Адмирал Шеер» и беспримерный героизм команды вспомогательного крейсера «Джервис Бей». ²«Дойчланд» и его переименование в «Лютцов», поскольку фюрер не мог допустить мысль о возможной гибели корабля с таким названием – слишком велик удар по морали. Об этих карманных линкорах мы слышали более чем достаточно. Но что за корабль-16?

В документах я обнаружил повторяющиеся ссылки на то, что корабли, первоначально названные так же загадочно, позже получали новые имена: «Комет» и «Тор», «Орион» и «Виддер», «Пингвин» и «Корморан». Как и «Атлантис», все они были вооруженными торговыми рейдерами, иначе говоря, переоборудованными торговыми судами, о которых мы, всецело поглощенные обширным и безжалостным наступлением немецких подводных лодок в Атлантике или периодическими, но весьма зрелищными вылазками крупных военных кораблей, почти ничего не знали. Призрачный флот по своей «змеиной» хитрости стал достойным преемником получивших широкую известность хищников Первой мировой войны – «Зееадлера», «Вольфа» и «Мёве».

В качестве объекта для последующих исследований я решил изучить деятельность рейдеров и их столь же неуловимых коллег – торговых судов, прорвавших блокаду. Я хотел знать, как они действовали, в каком обличье, какая их постигла судьба – счастливая или несчастная. Так я мог собрать достаточно материалов для книги.

² 5 ноября 1940 г. «Адмирал Шеер» атаковал конвой НХ-84, потопив прикрывавший его вспомогательный крейсер «Джервис Бей» и 5 торговых судов.

Но что стало с кораблем-16? Этот вопрос не давал мне покоя. И я начал искать информацию. Один факт выяснился довольно скоро. Не оказалось никакой тайны в том, каков был его конец. Корабль-16 покоился на морском дне в Южной Атлантике, куда его отправили орудия крейсера «Девоншир». Но датой его гибели считалось 22 ноября 1941 года, а «Атлантис», если верить материалам совещаний, ушел из Германии в начале 1940 года. Что он делал почти два года? Я попытался найти упоминание о возвращении в Германию и отбытии во второй поход, но такого не оказалось. Получалось, что «Атлантис» находился в море на протяжении шестисот двадцати двух суток, а его команда существовала как единое целое в течение шестисот пятидесяти пяти суток!

Искушение сделать что-нибудь было чрезвычайно велико, но это было не так просто. Чтобы выяснить, что происходило на протяжении почти двух лет, было необходимо провести серьезное исследование. А у меня и без того работы хватало. Я никак не мог выкроить время, поэтому идея, едва только была сформулирована, оказалась на полке и, возможно, оставалась бы там до сих пор, если бы ни одно совпадение, случившееся пять лет спустя.

Новый этап в написании истории «Атлантиса» начался, когда я получил для ознакомления книгу, посвященную военному опыту разных моряков, в том числе капитана А. Хилла, командовавшего сухогрузом «Мандасор». И хотя это судно было одним из многих, в одиночестве путешествовавших под «красной тряпкой»³ по морским путям востока, история «Мандасора» показалась мне особенно интересной. Оно неоднократно отражало атаки базировавшегося на немецком рейдере гидросамолета, который впоследствии затонул при посадке, да и самому рейдеру оказало достойный отпор и капитулировало лишь после уничтожения радиопередатчика и потери всего оружейного расчета.

Капитан Хилл привел название рейдера – «Темезис», которого я раньше не слышал. Но фамилия командира «Темезиса» была Рогге.

Рогге! Это был знак! И я сдул пыль с заметок, сделанных еще в 1947–1948 годах. Корабль-21 (фон Рюктезеель)... Корабль-36 (Вейер)... Корабль-16 (Рогге)! Итак, «Темезис» был псевдонимом, а заинтриговавшая меня история относилась к кораблю, возбуждавшему мое любопытство, еще когда я изучал переоборудованные и получившие вооружение торговые суда. Больше у меня не осталось оправданий собственной лени, и я принялся за поиски информации.

Начало было довольно-таки многообещающим. «Неизвестный» «Атлантис», как мне сообщили в адмиралтействе, был самым результативным из всех немецких рейдеров и уничтожил или захватил тоннаж, в два раза превышающий уничтоженный легендарным «Графом Шпее». Но о деталях его деятельности ничего не было известно. Корабельный журнал оставался недоступным для посторонних, поскольку являлся объектом изучения военно-морскими офицерами, занятыми более серьезными делами, чем написание книг. Не помогли и подшивки газет, обычно являющиеся кладезем информации. Да и не все сохранились, поскольку с 1945 года прошло уже много времени и газеты подверглись многократному изучению желающих получить информацию о «мелких» военных эпизодах. Более того, поиски осложнялись тем, что «Атлантис» так часто менял название, что очень немногие его жертвы, по крайней мере, те, кто давал интервью прессе в военные годы, знали настоящее. В результате мне пришлось изучать бесчисленные рассказы о столкновении с неким немецким рейдером, и очень часто взятый след оказывался ложным, поскольку приводил к «Пингвину» или «Комет».

Не скажу, что поиски оказались вообще бесплодными. «Лайф» исчерпывающе описал эпизод с «Замзамом». Австралийская газета напечатала большую статью моряка, взятого на «Комиссар Рамель». В адмиралтействе я узнал, что «Кеммендайн» – еще одна жертва «Атлантиса», уцелевшие члены его команды были отправлены в Восточную Африку и позднее осво-

³ «Красная тряпка» – флаг торгового флота Великобритании.

бождены нашими войсками. Интервью с ними было опубликовано в «Лондон таймс» в июне 1941 года. Последнее стало весьма ценным открытием, потому что в газете были напечатаны имена и адреса членов команды, но главная цель все же оставалась неуловимой.

Ни один из пленных не находился на рейдере более или менее длительное время, никто из них не вел записи, которые могли бы помочь взглянуть на него «изнутри». Конечно, при наличии времени можно было составить достаточно полный рассказ, побеседовав с уцелевшими моряками, но первые же шаги в этом направлении убедили меня, что процесс слишком трудоемок и никак не совмещается с выполнением еще и моей основной работы. Таким образом, в конце ноября 1953 года я решил раз и навсегда отказаться от этого проекта. Не стану утверждать, что решение далось мне легко, потому что к тому времени уже было совершенно ясно, что история «Атлантиса» намного интереснее, чем я первоначально предполагал.

Создавалось впечатление, что успехи этого рейдера почти не оставили горечи в сердцах его жертв. Такое положение было удивительным, даже более того, уникальным. Рогге проводил боевые операции решительно и безжалостно. «В конце концов, – сказал один из матросов, – нельзя ожидать, что кровавая война будет вестись, как чайная церемония». Но командир «Атлантиса», прежде всего, был джентльменом и достоин всяческого уважения. Я чрезвычайно удивился, услышав вместо горьких жалоб расточаемые ему похвалы. Он был справедлив, гуманен, уважал и понимал чувства своих «гостей». В общем, он вел себя как истинный моряк.

Именно всеобщее уважение натолкнуло меня на мысль о другом подходе ко всей истории. Быть может, следует изложить ее «с другой стороны»? Идея, сначала показавшаяся мне не слишком удачной, по мере изучения бывшего «врага» начинала нравиться все больше и больше. Какими представлялись наши моряки глазами немца? Что чувствовали матросы «Атлантиса» под огнем «Девоншира» и «Дорсетшира»? Как они жили, вели себя в разных жизненных ситуациях? Кто может рассказать об этом лучше, чем непосредственные участники событий?

Но на этом пути тоже были препятствия, и главное из них – сложность поисков рассказчика. После гибели «Атлантиса» прошло четырнадцать лет. Где искать знающего человека в Германии, еще не оправившейся от поражения в войне?

Ответ был найден тремя неделями позже, когда мне представился случай посетить судно «Сити оф Пэрис», капитан которого Дж. Армстронг Уайт должен был вскоре принять новый роскошный лайнер Эллермана – «Сити оф Дурбан». Встреча оказалась для меня воистину судьбоносной, поскольку капитан был не только бывшим пленником «Атлантиса», но и, по воле случая, сумел возобновить отношения с его офицерами и стал близким другом и Рогге, и Мора. Похоже, все-таки «Атлантису» было предназначено судьбой стать героем книги.

Со дня гибели «Атлантиса» прошло уже много времени. Учитывая, что на человеческую память далеко не всегда можно положиться, а корабельный журнал все еще оставался недоступным для ознакомления, Мор и я считали необходимым по возможности производить двойную проверку фактов, чтобы обеспечить точность. И в этой связи я, отвечавший за английскую часть повествования, очень благодарен британским офицерам, откровенно и подробно рассказавшим мне о своем участии в событиях.

Я особенно признателен капитану в отставке Эгеру, кавалеру орденов «Крест Виктории» и «За боевые заслуги». Этот замечательный офицер командовал крейсером «Дорсетшир» при спасении остатков экипажа «Атлантиса» и был убежденным противником участия рейдеров в войне на море, но был настолько любезен, что прочитал рукопись и исправил самые явные неточности, допущенные мной, новичком в морском деле, при переводе рассказа Мора.

Мне было очень интересно наблюдать, как по-разному выглядит одно и то же событие, когда его описывают два одинаково честных участника, находившиеся по разные стороны баррикад. Каждый из них, безусловно, излагает правду такой, как видит ее, не всегда осознавая всю полноту сопутствующих обстоятельств.

Взять, к примеру, лайнер «Кеммендайн». Услышав рассказ Мора, я связался с капитаном М. М. Рамси, служившим офицером на «Кеммендайне», а теперь получившим собственное судно. В ответ он написал: «Вы упомянули, что Рогге или Мор рассказали, как мы открыли огонь после первого залпа. В принципе так оно и было, но только обстоятельства сложились особые».

Далее он объяснил: «При первом залпе осколок снаряда повредил палубный паропровод возле самого мостика. Рев стоял такой, что мы не слышали голосов друг друга. Телефонного сообщения между мостиком и орудием не было, и второй артиллерийский офицер открыл огонь без приказа. Мы не слышали выстрела с нашей стороны и только недоумевали, почему с рейдера последовал еще один залп».

А что Рамси думает об «Атлантисе»?

«Должен признать, к нам обращались с должным уважением. Те четыре месяца, что мы провели на рейдере, капитан Рогге неуклонно придерживался международных законов, всегда был вежлив и справедлив. Еды было достаточно, и она отличалась высоким качеством. Жилые помещения были чистыми и настолько удобными, насколько позволяли обстоятельства. Не хватало только питьевой воды, выдача которой строго нормировалась. Однако немецкая команда получала воду по тем же нормам. На „Атлантисе“ был превосходный хирург, который даже однажды сделал протез для лишившегося ноги офицера».

Когда я спросил капитана Хилла с «Мандасора» что он думает о рейдере, которому было оказано столь упорное сопротивление, тот ответил: «Он задал нам изрядную взбучку, но имей мы хотя бы малейший шанс, с радостью ответили бы тем же. Война есть война. Но в качестве пленных нам не на что было жаловаться. Рогге и Мор были порядочными, даже, пожалуй, приятными людьми. Они делали для нас все, что могли, а немецкие врачи ухаживали за ранеными, не обращая внимания на национальную принадлежность. Мы не можем сказать ничего плохого об отношении к нам ни на „Атлантисе“, ни на прорвавшей блокаду „Танненфельсе“, на которой были переведены позже. Наши несчастья начались только на берегу – в лагере. Только там мы встретили по-настоящему ужасных людей».

Полагаю, читатели этой книги сразу поймут, что ни Мор, ни Рогге не имели никакого отношения к нацистской партии, так же как и к многочисленным присоединившимся к ней дочерним организациям. После окончания войны пять из пятнадцати пленных британских офицеров приложили немало усилий, чтобы найти своих прежних «врагов», которые, и это важно, после прекращения военного противостояния были оставлены на свободе.

Рогге, один из нескольких, не подвергшихся интернированию старших офицеров военноморского флота Германии, был назначен военным правительством союзников на официальный пост, а Мор после сдачи флота в Киле осуществлял связь между ВМФ Германии и Королевским ВМФ.

Соглашение о написании этой книги было достигнуто в доме Рогге, выходящем окнами на Эльбу. Дом был под стать своему хозяину. В холле стояла большая модель рейдера, который так долго нес разрушения на морских путях Второй мировой войны. А как раз, когда мы собрались вместе, по реке в сторону Северного моря прошел британский сухогруз. Мы проводили его глазами и выпили за мир.

А. В. Селлвуд

Коттедж Святого Антония, Ширли, Суррей,

Рождество 1954 года

Глава 1 В БРЕМЕНЕ

Бременский докер вытер пот со лба и сделал глоток эрзац-кофе, надеясь смыть набившуюся в рот пыль. Он чувствовал, что заслужил небольшой отдых. Весь день разгружая нейтральные шведские и норвежские суда, которые, проскользнув на юг вдоль датского побережья, сумели миновать линию английской блокады, человек до смерти устал, тем более что ему уже давно перевалило за пятьдесят. Но что делать? Молодые ушли на фронт, на войну, которой было уже шесть недель от роду. И все это из-за англичан! Докер сплюнул.

Где-то далеко на равнинах Польши щелкающие каблуками эмиссары вермахта предлагали плоды победы высоким особам. В Кельне полиция убирала листовки, разбрасываемые «военно-воздушными силами Чемберлена». А в Лондоне, как читал докер, население охвачено всеобщей паникой и бежит из больших городов. Последняя информация несколько его озадачила. Он уже имел опыт общения с англичанами во время Первой мировой войны. Истории о том, что они заняты наклеиванием кусков коричневой бумаги на трещины в окнах и дверях или закупают рулоны черной ткани для затемнения, он сразу же счел бы ложью Геббельса, потому что докер, побывавший на Сомме, мог лучше понять людей, стремящихся убраться с дороги чего-то, столь пугающе огромного, как военно-воздушная армада рейхсмаршала, а не терять время на ребяческие предосторожности. Машины. Именно они сегодня выигрывают войны. А у людей нет ни одного шанса.

Последняя мысль понравилась докеру, и он сделал еще один глоток. «Пот негра» – так называли этот напиток на флоте, правда, его товарищи дали ему другое, более меткое название.

Забавная штука, эта война на море. Обстановка в порту, должно быть, показалась бы вполне нормальной посетителю, незнакомому с обстоятельствами: визжали лебедки, двигались краны, над открытыми трюмами то и дело появлялись грузы, и все причалы были заняты. Не слишком внимательный наблюдатель, конечно, не стал бы задаваться вопросом, почему вся суэта происходит только вокруг скандинавских судов, и любопытствовать, по какой причине так много других судов стоят заброшенными, без признаков жизни. Доки Бремена были забиты, что объяснялось очень простой причиной: их обитателями были немецкие суда, не имеющие возможности выйти в море и возить грузы. Они просто стояли и ожидали каких-нибудь перемен.

И все из-за англичан, торжественно разглагольствовавших о свободе на море. Именно они остановили движение грузов от Бергена до Английского канала и крепко заперли парадную дверь Германии. Они заставили людей потуже затянуть пояса.

И хотя докер часто повторял, что не все из них ублюдки, сейчас ему, с отвращением глотавшему «пот негра», хотелось надеяться, что на этот раз они не останутся безнаказанными. Поживем – увидим. Фюрер преподаст им хороший урок.

Работяга не часто подходил к грузовому судну, носящему имя «Гольденфельс». Оно стояло у причала, находившегося в стороне от его привычного маршрута, и докеру там попросту нечего было делать. Но сейчас ноги сами привели его именно к этому судну, как и многие другие, после 3 сентября стоявшему без дела, и он заметил человека, шагавшего к трапу.

Докер уже видел его раньше – такого трудно не заметить, – хотя он, вероятно, не смог бы объяснить почему. Нельзя сказать, что у него было что-то необычное в одежде: белый шелковый шарф, хорошо сшитый костюм, пальто – так всегда одевались капитаны торговых судов в свободное от службы время. Немного выделялся только старомодный котелок. Да и комплекцией этот человек обладал вполне обычной. У докера были такие же широкие плечи, а ростом он был даже выше одного метра девяноста сантиметров незнакомца. Возможно, подумал он,

все дело в голосе. Он как-то раз слышал его голос, в котором прусская отрывистость смягчалась неповторимой мелодичностью. Голос был медленным, низким и очень уверенным. Его обладатель явно знал себе цену.

Докер ухмыльнулся. Конечно, мы теперь все господа. Каждый сам себе хозяин, даже докер.

Он увидел, как незнакомец приблизился к одному из членов команды, оставшейся на борту судна после его прибытия. Ну надо же! К полному изумлению докера, тот, другой парень вытянулся, щелкнул каблуками и поднес руку к козырьку фуражки, отсалютовав незнакомцу! Самое настоящее, принятое на военно-морском флоте приветствие!

Этот парень, должно быть, просто дурак, если салюует подобным образом. Что толку кадровым морякам рядиться в гражданскую одежду, если они не могут отказаться от такой показухи.

Высказав виновному свое неодобрение, капитан цур Зее Бернгард Рогге, давний знаток парусного флота, позже капитан и командир элитного немецкого учебного парусного корабля для подготовки офицеров, с облегчением снял котелок и положил его на доски, лежавшие на будущей платформе для кормового 5,9-дюймового орудия. Его пальцы – ловкие, сильные, с аккуратным маникюром – развязали надоевший и очень раздражавший шелковый шарф. Пора было приниматься за работу.

В архивах адмиралтейства в Берлине, отмеченные знаком высшей степени секретности, имелись записи о том, что торговое судно «Гольденфельс» стало кораблем-16. Рогге слегка улыбнулся. Он понимал, что так нужно для обеспечения безопасности, но все же стремился как можно скорее дать судну имя. Номер хорош для подводной лодки, а у надводного корабля есть душа.

«Атлантис»... Такое имя он выбрал для своего корабля. Оно сделает его детище отличным от океанских ящиков Пандоры, напичканных торпедами, орудиями и минами. В нем есть нечто загадочное и таинственное, именно такое, каковой и является жизнь посреди океанской стихии. Рогге был доволен, сумев найти такое удачное имя.

Ему впервые предложили пост командира рейдера, когда господин Чемберлен вернулся из Мюнхена с обещанием мира. Тогда эта должность казалась гипотетической, поскольку перспектива военного конфликта между Германией и Великобританией представлялась весьма отдаленной.

Что ж, самое страшное произошло – а для Рогге война с Англией действительно была худшим из зол, – и теперь ему предстояло выполнить свой долг. Он был доволен уже тем, что на своем посту ему не придется каждые пять минут спрашивать разрешения сделать то или это. Хотя задача перед ним стояла отнюдь не легкая, он нередко размышлял о ней безо всякого оптимизма. Предстоит сделать еще очень много, а времени отведено мало. Рогге подумал, как бы поступил Сесил Родс, будь он назначен на первый рейдер, которому предстояло покинуть рейх. Как бы он справился с бесчисленными препятствиями, встречающимися на каждом шагу. Перед ним, Рогге, стояла задача атаковать морские торговые пути Великобритании, задача, которую во время Первой мировой войны выполняли такие известные рейдеры, как «Мёве», «Вольф» и «Зееадлер». Однако предшествованием драмы стала почти комическая опера.

Ему было особо указано, что никуда не должно просочиться ни намек на наше намерение использовать надводные рейдеры. Вероятно, именно поэтому на стене бременских казарм на всеобщее обозрение был выставлен большой щит с надписью: «Штаб вооруженных вспомогательных крейсеров».

Странная все-таки штука жизнь. Когда он обратился в отдел, занимающийся распределением офицерского состава, ему сказали: «Что? Вы требуете девятнадцать офицеров, которые наверняка погибнут?»

Чтобы получить обычный секстан, приходилось обращаться непосредственно в ОКМ,⁴ а в современной системе управления огнем ему было отказано, поскольку, как ему объяснили, существовала слишком высокая вероятность того, что судно затонет раньше, чем появится возможность ее применить. А что уж говорить о вопросах каждодневного соблюдения секретности! Что ж, Рогге оставалось только радоваться тому, что чувство юмора все еще остается при нем. Он лишь улыбнулся, вспомнив панику, воцарившуюся, когда разбился один из грузившихся ящиков и по причалу раскатились тропические шлемы.

Хотя, конечно, сомневаться не приходится: вопрос секретности чрезвычайно важен. Его главное оружие – маскировка. Чтобы выбраться из порта, прорваться сквозь плотный заслон, установленный англичанами вокруг «ворот» Германии, в открытое море, «Атлантис» должен притвориться тем, чем на самом деле не является. И, даже преодолев это препятствие, он должен был часто менять обличье и всякий раз выглядеть очень убедительно. Отсюда всевозможные сценические уловки и «грим». Вражеский глаз не должен проникнуть под фальшивый облик тех, кого союзники позже назовут нацистскими судами-ловушками или менее лестно – гремучими змеями океанов. Поэтому его раздражение излишним рвением откозырявшего безголового старшины вполне обоснованно. Такие ошибки не должны повторяться впредь. Рогге вызвал помощника...

В это время на сцене появился я. (Мор.)

Никто не рискнул бы назвать корабль-16 красивым. Он был довольно новым, но слишком широким, приземистым, чтобы выглядеть грациозным. Когда он стоял у причала, с палубой, заваленной ящиками и досками и без всякого «грима», такому грязному неряхе вовсе не хотелось доверять свою жизнь. Рассматривая беспорядок и нагромождение мусора на палубах, я не почувствовал ни искры любви, которая так сильно разгорелась позже. На какой-то момент я даже пожалел, что не пошел на минный тральщик, а, воспользовавшись дружбой моего моряка-отца с Рогге, оказался на этой куче хлама, по недоразумению считавшейся океанским рейдером.

Нельзя сказать, что должность я получил только благодаря протекции. Рогге был не таким капитаном. Он увидел пользу от моего знания языков, опыта путешествий в Штаты, Японию и Китай. Даже тот факт, что я прежде был доктором философии, вовсе не делал меня непригодным к должности помощника, потому что его прежний помощник был блестяще образованным человеком – профессором истории.

Итак, профессор был рекомендован Рогге для использования на береговых должностях и был отправлен глухим и слепым чиновничьим аппаратом на минный тральщик. Я же занял роскошную каюту с ситцевыми занавесками, мягкими коврами, радио и перспективой, о которой тогда не подозревал, принять участие в самом длинном плавании в истории.

⁴ ОКМ – Oberkommando der Kriegsmarine – Главное командование военно-морских сил.

Глава 2

ВОЛК В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ

Мы должны были действовать на морских коммуникациях противника очень далеко от дома. Нам следовало выступать против Англии от Гренландии до мыса Доброй Надежды. Корабль-16, под таким обозначением нас знали в Берлине... Корабль С по классификации британской разведки... «Атлантис» – один из девяти коммерческих рейдеров.

Рогге сидел за столом, задумчиво разглядывая глобус.левой рукой он обхватил чисто выбритый подбородок, правой вертел ручку.

Тишины, так необходимой капитану военного корабля для принятия судьбоносного решения, пока не было и в помине. Доносившийся со всех сторон рев пневматических дрелей, грохот молотков, так же как и крики и ругань портовых рабочих, приступивших к переоборудованию «Атлантиса», но не представлявших, что именно они делают, не помогли сосредоточиться. Хотя для Рогге, размышлявшего о будущем, все эти звуки слились в некую часть корабельной симфонии, продолжением которой был шум бьющихся о корпус волн, пронзительные голоса чаек, ритмичный гул работающих дизелей. Рогге всем сердцем стремился в море, но был не настолько слепо нетерпелив, чтобы не оценить помощь береговых служб, делавших все возможное, чтобы отправить его в боевой поход. Хотя, видит бог, почти 400 000 человеко-часов, то есть почти восемьдесят дней работы было бы достаточно, считал он, чтобы снарядить в море линкор.

«Велики люди земные, но еще более велики люди морские...»

Рогге только вздохнул, припомнив слова старой ганзейской поэмы. Через полуоткрытый люк до него доносилось деловитое пыхтение паровоза на причале, лязганье вагонов на железнодорожных путях и чуть слышный, немного грустный, словно воспоминания о любви, голос сирены уходящего в море судна. Рогге подумал, что все собравшиеся сейчас в Бремене навеки связаны с морем и ждут его неслышного зова, как суда ожидают прилива или отлива. От объема работы, выполненной на «Атлантисе», зависело, когда рабочие отправятся домой к женам или подругам, оплата, которую они получают, еда и выпивка, которую смогут купить. Иными словами, работая на судне, они обеспечат себя и своих домашних. А что дальше? Корабль, который они, вероятнее всего, сразу после окончания работ забудут, оставаясь для них невидимым, будет продолжать оказывать еще большее влияние. Ведь бомбы, угроза которых для Германии однажды станет реальностью, – Рогге не испытывал иллюзий по поводу громогласных обещаний Геринга – будут зависеть от морского транспорта, который должен доставить их компоненты. Двигателям вражеских самолетов необходима постоянная подпитка из идущих по морю танкеров, да и пилоты не смогут летать, не получая хлеба, также доставленного по морю. Все, что Британия сможет использовать во вред Германии, должно сначала пройти по морским путям, и задача Рогге заключается в создании на пути судов с грузами максимального количества препятствий. Для «Атлантиса» уничтожение вражеского судоходства является задачей второстепенной. Его главная цель – спорадические атаки в удаленных друг от друга районах, вызывающие изменения маршрутов движения и задержки транспортов. Он должен вынудить британский военно-морской флот, и без того испытывающий непосильные нагрузки, еще больше расплыться, организуя охоту на рейдер и эскорт своих торговых судов.

Человек в рабочем комбинезоне заглянул в дверь, пробормотал извинения и поспешно ретировался. Плотник, наверное, вздохнув, подумал Рогге. На этом корабле, таящем тысячи секретов, люди постоянно теряются. Он не мог избавиться от мыслей о том, что, несмотря на все меры по обеспечению секретности, многие из рабочих уже давно догадались, с какой целью производятся все метаморфозы с бывшим «Гольденфельсом».

Капитан цур Зее Бернгард Рогге на минуту представил себе внешний вид корабля: нагромождение ящиков с оборудованием и грузами, брошенные кисти, измазанные в свинцовом сурике, емкости с краской и деревянные подмости, в общем, никакой эстетики. Он снова тяжело вздохнул и попытался сосредоточиться на своем дневнике. Он ухмыльнулся, припомнив реплику Мора о внешнем виде корабля. Как он его назвал? Грязнулей? Нееряхой? Внимательно, аккуратно и решительно рука с офицерским перстнем-печаткой завершила дневные записи словами: «Когда корабль будет полностью готов, мы будем им гордиться, но, как и всем женщинам,⁵ на подготовку требуется очень много времени».

Мир считают единым и неделимым. Такое же толкование применимо к войне на море. Акция, проведенная в Индийском океане, может оказать влияние на ситуацию в Северном море или в Арктике. Атака у побережья Восточной Африки может привести к отвлечению крупных сил, охраняющих западные подходы к Британским островам. Из-за каждого судна, потопленного одиночным рейдером в течение нескольких часов, много других будут отправлены по другим маршрутам или на долгие недели останутся в гаванях. А на операции гигантских армейских соединений, сражающихся на огромных пространствах от Ливии до Волги, может повлиять судьба небольшого торгового судна, о существовании которого в войсках даже не слышали.

Хотя большинство военно-морских стратегов считали, что вооруженные торговые крейсера (они же вспомогательные крейсера) отжили свой век, Рогге придерживался иного мнения. Он поддерживал меньшинство, утверждавшее, что возросшей угрозе с воздуха можно противостоять с помощью искусной маскировки, а преимущества, полученные рейдером вместе с дизельными двигателями, с лихвой компенсируют увеличение возможностей противника по обнаружению судов в море. Он подчеркивал, что, если во время Первой мировой войны «Кайзер Вильгельм дер Гроссе» мог находиться в море менее трех недель, имеющий дизеля «Атлантис» сможет пройти без дополнительной бункеровки 60 000 миль. Поэтому, утверждал Рогге, современный рейдер не только менее скован в своих перемещениях соображениями, где и как получить топливо, но также может не встречаться с танкерами или угольщиками, если при этом существует риск уничтожения или захвата.

Хотя профессиональным качествам Рогге была чужда война машин, «мясорубка», в которую позднее превратились сражения между немецкими подводными лодками и конвоями союзников в Северной Атлантике, его вера в ведение военных действий рейдерами на торговых коммуникациях противника была основана на более солидной почве, чем консервативные предрассудки. Подводные лодки 1939 года могли нанести удар по хорошо охраняемому «сердцу» противника, но только мы могли добраться до более удаленных и менее защищенных «артерий».

В подобного рода отвлекающей деятельности у атакующего на руках все козыри. За ним, охотником, остается выбор места и времени. Он также имеет явное преимущество, будучи уверенным, что практически любое встреченное им судно является противником, в то время как силы, брошенные на его уничтожение, должны найти одно судно из множества, подозревая каждого.

И наконец, если вы все еще не поняли, почему мы в начале тотальной войны чувствовали такую уверенность в будущем делающего максимум 17 узлов торгового судна, оснащенного орудиями, бывшими в ходу еще в Первой мировой войне, я могу процитировать слова командира. Рогге, подводя итог дискуссии в кают-компании о современной технике, используемой противником, сказал: «Рискуя показаться банальным, господа, я все же хочу подчеркнуть, что океан велик и несколько часов из двадцати четырех погружен во тьму».

⁵ У англичан слово ship – судно, корабль – женского рода.

– Это, господин капитан, – сказал я, опустив на рычаг телефонную трубку и отбросив в сторону карандаш, – был уже четырнадцатый звонок в вышестоящие инстанции и третий день бесплодных попыток добыть у них всего лишь четыре ракетницы! Все они упорно не желают понимать, зачем нам нужны эти чертовы ракетницы, которые почему-то не входят в перечень поставляемого оборудования, а для чиновников это главное.

Рогге улыбнулся:

– Полагаю, вы предприняли все возможные действия?

– Господин капитан, – с жаром отвечивал я, – я звонил в Берлин. Я обращался прямо в адмиралтейство. Я оборвал телефоны берегового командования Балтийского флота. Я даже пробился к адмиралу, в ведении которого находятся военно-морские судоверфи. Куда бы я ни обратился, меня отправляют к кому-то еще. Почему никто не понимает, что нам понадобятся ракетницы для наших призов?

– Призов? Вероятно, нас подозревают в излишнем оптимизме.

В конце концов мы все-таки получили ракетницы, все четыре. Но пришлось направить рапорт о создавшейся ситуации в Берлин лично гросс-адмиралу Редеру, чтобы береговые чиновники смилостивились и выделили нам это необыкновенно ценное оборудование.

Шли дни, и чудеса, творящиеся на берегу, постепенно истощили наше терпение. Мы начали понимать, что повсеместно превозносимая нацистская военная машина, возможно, и проявила свою эффективность где-нибудь еще, но уж точно не в нашей сфере – подготовке вспомогательных крейсеров к войне на море. Несмотря на наличие весьма убедительной теории, расхождение мнений между теми, кто считал, что у вспомогательных крейсеров есть будущее, и теми, кто в это не верил, привело к полумерам в реализации проекта. Вопреки убеждениям союзников и нашим собственным ожиданиям, в сентябре 1939 года флот рейдеров существовал только на бумаге. Стратегическая теория была одобрена и принята к исполнению. И этим все кончилось. Наши экипажи проводили бесконечные недели в праздном безделье, прежде чем суда хотя бы заводили в доки, и, хотя перед войной на переоборудование была выделена правительственная субсидия, ее хватило только на отдельные работы, такие как укрепление палубы для установки орудий. Мы еле дождалась окончания работ на «Атлантисе», на которые потребовалось девяносто суток! Причем это благодаря Рогге, установившему хорошие отношения с инженерами верфи, было рекордом скорости! Один рейдер готовился выйти в море восемнадцать месяцев.

Пятьсот книг для судовой библиотеки. Это был предел моих желаний. Каких-то пятьсот книг!

На берегу были явно озадачены. Книги? Для библиотеки? Но у команды не будет времени читать!

Железные кресты... Вот в них недостатка не было. Рогге категорически отверг предложение взять на борт изрядный запас этих наград, чтобы раздавать по мере надобности.

Он весьма холодно возразил:

– Позвольте нам сначала выйти в море и дождаться появления этой самой надобности.

Нам очень нужны были люди, которые стали бы хорошими товарищами и смогли вынести тяготы длительного и опасного морского путешествия. Капитаны судов и клерки адмиралтейства сговорились направлять к нам пользующийся самой дурной славой человеческий материал, потеря которого никого не волнует.

Люди с вздорными, неуживчивыми характерами, преступники, получившие отсрочку исполнения приговора, тунеядцы... Я не мог взять таких на борт! И Рогге не взял.

От него потребовались колоссальные усилия, прежде чем мы наконец набрали команду.

С другой стороны, я обнаружил, что даже подготовка к боевому походу, а не продолжительному круизу имеет эстетические стороны, о которых ничего не говорится в соответствующих справочниках. Например, как выбрать подходящую картину, чтобы украсить стену в кают-

компании. Поскольку мнения по этому поводу разошлись, мы, до крайности раздраженные, организовали для принятия решения комитет.

Один из офицеров твердо заявил:

– Никаких видов немецких городов. Никаких деревьев, лугов и гор. Это вызовет тоску по дому.

– Ладно, – покладисто согласился я, – тогда, может быть, фотографии красоток?

– Никаких женщин! – активно запротестовал другой. – Мы все знаем, к чему это может привести. Нет, только не женщины.

– Превосходно, – сказал я, когда мы наконец пришли к соглашению и выбрали изображение красивого парусника. – Посмотрим, что скажет командир. – И, ощущая гордость столь достойным выбором, я отправился к Рогге.

Сокрушительный удар!

– Ни в коем случае! – взорвался он. – Я не допущу появление такого безобразия на моем корабле. У него же фор-стенги-стаксель стоит неправильно!

Когда капитан решительно отверг одобренную всеми идею, комитет потерял интерес к дальнейшим спорам, и решение было доверено мне. И я принес картину Марка⁶ «Красные кони». Что касается корабля, мой выбор оказался очень удачным и впоследствии вызвал много интереса со стороны посетителей и пленных офицеров. В Германии картину Марка сочли «деградировавшим искусством» и в конце концов запретили.

Вопрос украшения помещений для матросов разногласий не вызвал.

– Цветы, – твердо заявил Рогге. – Цветы – лучшее для моряков. К тому же они решительно нейтральны.

Что ж, цветы так цветы.

Пока суд да дело, мы оставались у причала.

– Форменной одежды не будет, – предупредил нас с самого начала Рогге. – И офицеры, и матросы будут носить гражданскую одежду. Отдавать честь старшим не разрешается. Хотя рабочие наверняка уже о чем-то догадываются, очень важно, чтобы они не знали командира, офицеров и численности команды.

Не думаю, что нам удалось кого-то обмануть: абсолютно все скрыть невозможно, а люди наблюдательны, но в главном принятые меры предосторожности были правильными и послужили своей цели. Некоторые члены команды включились в игру с небывалым энтузиазмом и выбирали для себя самые экстравагантные стили одежды. Лично я с удовольствием наслаждался свободой, которую давало ношение моего любимого костюма. Но котелок Рогге забавлял всех без исключения. Когда же кто-то из нас позволял себе высказывания по этому поводу, он неизменно отвечал:

– Понаблюдайте за средним капитаном парусного судна. Он непременно носит котелок.

– Но мы же не на парусном судне.

– Нет, теория остается той же, я имею в виду, теория головного убора. Поля котелка почти не создают сопротивление ветру, он имеет обтекаемую форму и не слетит с головы, если надо будет убежать.

Нам предстояло выступить против Англии, и многие из нас чувствовали, что мы задержались на якоре слишком уж долго. Только 28 декабря мы наконец ушли из Бремена, получив приказ перейти для окончания работ в Киль. Там же мы должны были получить продовольствие и боеприпасы для предстоящих боевых действий.

Темная ночь, неожиданный толчок, легкое покачивание и внезапно наступившая тишина – замолчали двигатели. А потом громкие проклятия девятнадцати униженных офицеров. Чертов корабль сел на мель.

⁶ Марк Франц (1880–1916) – немецкий живописец, один из организаторов объединения «Синий всадник».

«Атлантис», будущий рейдер, вспомогательный крейсер, едва дождавшийся выхода в открытое море, позорно увяз в илистых донных отложениях Везера. Думаю, не стоит приводить высказывания, которыми сопровождалось это действие. Вины Рогге в случившемся не было. Судно находилось под управлением лоцмана, который не знал новых знаков навигационной обстановки. Но независимо от того, кто был ответственен за происшествие, невозможно было оспорить следующий факт: начало вряд ли оказалось таким, о каком мы все мечтали. Поэтому на «Атлантисе» воцарилось уныние.

Фелер, наш эксперт-подрывник, попытался разрядить обстановку:

– Совершенно не о чем беспокоиться. Это добрый знак. Вспомните, «Вольф» тоже начал свою карьеру с посадки на мель, а как многого достиг?

Аналогия была неудачной, и лысина Каменца, нашего штурмана-ветерана, покраснела от гнева.

– Да, кретин, – прошипел он, – а что стало с его капитаном? Его в два счета убрали!

Мрачное воспоминание заставило нас почувствовать себя еще более несчастными. Слишком уж похожими были оба случая. Случай с «Вольфом», происшедший в устье Эльбы, тоже не был следствием ошибки командира. Тем не менее адмиралтейство уволило его, мотивируя свое решение тем, что капитан рейдера должен обладать не только мастерством, но и везением.

Если подобное было возможно в 1914 году, то чего мы могли ожидать в 1939-м, когда во главе рейха стоял фюрер, верящий в звезды и судьбу?

Мысль о возможности остаться без капитана удовольствия никому не доставила. Рогге был настоящим человеком с твердым, решительным характером и не имел ничего общего с всеобщей нацистской истерией на берегу. Он обладал всеми старыми прусскими добродетелями и, вероятно по причине строгого религиозного воспитания, минимумом новых прусских пороков. Приверженец строгой дисциплины, он никогда никого не запугивал и не угрожал. Он принял командование «Атлантисом», хорошо понимая связанную с этим постом ответственность, понятие, которое он впитал с материнским молоком. За весьма недолгое время мы успели понять, что наш капитан строг, но разумен, добр и справедлив, и в ответ на наше хорошее отношение отдавал себя всего щедро и до конца. Мы уже были *его* людьми и провели шесть весьма неприятных часов, размышляя о нежелательности видеть на этом месте кого-нибудь другого. Потом начавшийся прилив освободил «Атлантис» из плена.

Но только через неделю мы успокоились, убедившись, что случай прошел без последствий.

Звезда Рогге осталась на небосклоне.

Глава 3

ДЕРЖИТЕСЬ В СТОРОНЕ ОТ НАШИХ ВИНТОВ!

Наступил март 1940 года. Шла третья неделя месяца, и день выдался дьявольски холодным. Кильский канал был покрыт льдом, берег оставался белым от снега. Шел последний месяц казавшейся бесконечной зимы, прелюдия первой военной весны. Миру осталось только шестнадцать дней до того, как оглушительный гром конфликта нарушит тишину «странной войны»,⁷ предвещая грядущие кровопролития.

22 марта. В устье Эльбы показалась плавбаза. Две трубы, окрашенный в серый цвет корпус, носовые и кормовые орудия, флаг на корме.

24 марта. У Зюдерпипа стоит на якоре норвежский сухогруз. Одна труба, окрашенный в зеленый цвет корпус, ослепительно белая надстройка, желтый карантинный флаг.

9 апреля. Мимо Бергена прошло русское вспомогательное судно. Серп и молот на надстройке, красная звезда на крышке второго трюма, надпись на кормовом подзоре: «Остерегайтесь наших винтов».

Мы надеялись, что Королевский ВМФ поймет намек!

Только мы и пославшие нас люди знали, что немец, норвежец и русский – это один и тот же корабль – рейдер «Атлантис». Ему предстояло прорвать блокаду и двигаться на север для выполнения своей миссии – нападения на морские коммуникации противника.

В Киле мы довели до совершенства все детали маскарада, набросили на спину старого волка овечью шкуру и спрятали его острые зубы под трехслойной маской.

Шесть 5,9-дюймовых орудий, четыре торпедных аппарата, пушки, пулеметы и запас мин.

Таково было вооружение нашего рейдера, «скобяные изделия», которые 8000-тонный сухогруз должен был не только перевезти, но и как следует спрятать, причем спрятать так, чтобы их можно было достать и привести в рабочее состояние в течение нескольких секунд.

Но как вырваться на свободу? Рогге всегда повторял, что это будет самой серьезной проблемой нашего похода, главной головной болью. Прежде всего следовало попасть на океанские просторы. «В море полно места, независимо от того, есть самолеты или нет, и мы сможем хорошо поработать». Но вначале, во время прохождения через блокаду, нам всем следует показать, на что мы способны, и обеспечить безупречную маскировку. У наших берегов сосредоточены мощные силы противника, его разведка работает превосходно, и мы должны рассчитывать на то, что он обладает большим объемом информации. Начало. Это действительно была сложнейшая проблема, ведь нам предстояло пройти через водное пространство, плотно патрулируемое и кораблями, и самолетами англичан, и даже на базе мы не скрыты от их воздушной разведки. В случае перехвата в Северном море на стороне англичан будут все преимущества, а у нас не останется ни единого шанса. Поэтому, сказал Рогге, нашим главным оружием должна стать маскировка. Мы должны превзойти ловкостью змею и смелостью волка.

Моряк в рабочем комбинезоне аккуратно вывел адрес на большой упаковочной клети. Выпрямившись, он взглянул на результат своей работы с удовлетворением мастерового, хорошо знающего свое дело, и пристроил рядом внушительного вида ярлык.

Я с интересом наблюдал за ним.

– По-моему, – сказал он, ухмыльнувшись, – выглядит достаточно достоверно.

Что находилось внутри? Тяжелый пулемет, готовый открыть огонь в тот момент, когда упадут деревянные стенки.

⁷ «Странная война» – термин, характеризующий положение на Западном фронте в течение первых девяти месяцев (сентябрь 1939 г. – май 1940 г.) Второй мировой войны.

На ярлыке значится... скоропортящийся продукт. Символично, не правда ли?
Жизнь – забавная пьеса, и я в ней играю не самую незаметную роль.

Палуба была «фальшивой», своеобразной крышкой, скрывающей четыре 5,9-дюймовых орудия, чтобы их нельзя было разглядеть с воздуха. Корпус в этом месте был двойным, иначе говоря, имелись стены, чтобы защитить те же орудия от нескромных взглядов с моря. Даже с набережной невозможно было различить, не напрягая зрение, стыки откидных листов, за которыми они скрывались, а система противовесов позволяла убрать маскировку за две секунды и уже через пять секунд открыть огонь.

В корме в огромном ящике с ярлыком «промышленное оборудование» стояло пятое тяжелое орудие, а шестое было замаскировано под палубный кран. Удивительно, действительно удивительно, как много можно сделать, имея чуть-чуть проволоки, краски, богатое воображение и внимание к деталям. Кран внешне ничем не отличался от настоящего крана. А на ящике значилось имя грузополучателя и вся остальная информация, обычно наносимая при маркировке грузового места.

Да, овечья шкура у «Атлантиса» была весьма качественная – от дальномера, замаскированного под емкость для воды, до трюма, где прятался гидросамолет. Потребовался бы острый глаз, недюжинное воображение и крайне неудачное для нас стечение обстоятельств, чтобы заметить на наших мачтах, на фоне звездного неба выглядевших совершенно обычными мачтами торгового судна, наблюдательные посты. Посредством специальных перископических приборов наши наблюдатели, сидящие в специальных люльках, могут заметить противника на расстоянии 20 миль.

Таким образом, «Атлантис» получал весомое преимущество: возможность видеть, оставаясь невидимым. Мы могли заметить потенциальную добычу или, наоборот, охотника, держа за линией горизонта.

Отрывки из моего дневника.

«10 января. „Гольденфельс“ уже давно приказал долго жить, и отныне мы являемся очень уважаемой плавбазой, стоящей на якоре на территории военно-морской верфи в Киле. Чтобы ликвидировать все остатки своего торгового прошлого, нам потребовалась вторая дымовая труба, сооруженная из дерева и полотна, и несколько вполне убедительно выглядящих „орудий“. Эти самодельные полотняно-деревянные шедевры весьма удачно маскировали нашу истинную сущность, а чтобы скрыть наше намерение снова вернуться в исходное состояние гражданского судна, „ящики с грузом“, в свою очередь, были надежно замаскированы. Временами даже нам было трудно отличить реальность от фикции.

Январь. Прибыл адмирал с инспекцией. Был изрядно впечатлен. Сказал, что не смог отличить нас от настоящей плавбазы. Даже с 10 метров! Мы, конечно, довольны, но не вполне уверены, что похвала не преувеличена. Удивительно, как тяжелые военно-морские прожектора на поперечных балках могут придать судну военный вид.

31 января. Нам оказана большая честь. Сам гросс-адмирал Редер прибыл из Берлина, чтобы пожелать нам удачного плавания. Подарил нам роскошное издание „Директив и распоряжений“. Украшено по первому разряду. Дорогая красная кожа, золотое тиснение – все это для нас. Четыре слова были выделены особым шрифтом: *вы никогда не сдадитесь*.

28 февраля. Прощание главнокомандующего 31 января оказалось явно преждевременным. Мы все еще здесь. И похоже, здесь и останемся. „Что ты сделал для отечества? Мерз в Киле“».

Зима обрушилась на «Атлантис», словно насмехаясь над усилиями команды и планами капитана. Рогге, первоначально планировавший выйти в ноябре, когда можно было использовать в качестве дополнительного преимущества полярную ночь, очень нервничал из-за дополнительных задержек, вызванных природными условиями, добавившихся к простоям по вине властей.

Лед схватил корпус судна корявыми холодными пальцами, мириадами сталактитов свисал с такелажа и надстройки, лежал сверкающим покрывалом на набережной. Рогге уже ненавидел зрелище белой монотонной береговой линии, покрытых сугробами причалов, черных и неподвижных кранов.

На северном солнце все окружающее казалось бело-голубым. Лед обжигал и обдирал в кровь руки матросов, очищающих от него снасти, а их хриплые голоса далеко разносились над замерзшей бухтой. Восточные ветра обрушивались на неподвижное судно, принося с собой снег и крупу, валя с ног моряков, пробирающихся по жидкой слякоти палубы, и промораживая их до костей. Все шло не так, как хотелось бы. Холод заморозил клапаны торпед, а лед сделал невозможным буксировку мишеней, а следовательно, и учебные стрельбы. Кроме того, Рогге чувствовал, что временами происходит утечка информации, и бывали случаи, когда терпение некоторых офицеров лопалось, когда им приходилось сталкиваться с напыщенностью и самодовольным безразличием береговых «воинов», главным оружием которых являлся карандаш.

Необходимо, сказал Рогге, чтобы на «Атлантисе» появился телефон. Я с энтузиазмом согласился. Ближайшая будка была довольно далеко от судна, и, если нам требовалось сделать официальный звонок, а такая необходимость возникала несколько раз в день, офицеру рейдера (обычно это был я) приходилось устраивать спринт на 200 метров сквозь метель и пристраиваться в хвост очереди.

Но когда я обратился к соответствующему служащему, расположившемуся в удобном обогреваемом помещении на набережной, с просьбой позаимствовать один из их двадцати (!) телефонов, создалось впечатление, что наступил конец света.

– Невозможно! Это совершенно невозможно! – возмущенно заявил он. – Мои телефоны необходимы для очень важной работы.

– Но тот, о котором я говорю, стоит в подвале, – запротестовал я, – где, насколько мне известно, находится центральная котельная. Разве не так?

– Всеми телефонами, – ответил он, раздувшись от сознания собственной важности, – распоряжаюсь я. Вам придется поискать где-нибудь в другом месте, лейтенант.

Я так и сделал. Наши жалобы в адмиралтейство привели к тому, что мой толстый знакомец испытал самое серьезное потрясение в своей жизни. Ему позвонили из самого Берлина! И мы получили телефон.

За шесть недель нашего пребывания в Киле я получил двести восемьдесят пять совершенно секретных документов для изучения, ознакомления или ответа. Бумажная война велась с превеликим энтузиазмом.

Маскировочные приспособления, необходимые для нашего прорыва через блокаду, были подготовлены за много недель вперед. Мы надеялись, что «Гольденфельс» уже окончательно похоронен, но существовала возможность прохождения «рутинного» доклада вражеской разведки об отходе плавбазы из Киля, а сложить два и два вовсе не трудно. Поэтому мы решили организовать двойной блеф. Сначала «Атлантис» покажется в роли плавбазы в разных частях побережья, а потом появится к северу от Куксхафена в облике норвежского сухогруза. Но даже ожидая последнего приказа на выход, с него будут передавать в Киль информацию, используя кодовые сигналы плавбазы. Таким образом, запрашивая буксиры или доковые мощности для ремонта, сообщая о прохождении канала такого-то числа в такое-то время и ведя подобные переговоры, мы имели целью не только убедить англичан в том, что плавбаза обязательно вернется, но и старались обезопасить себя от маловероятной, но вовсе не являющейся невозможной утечки информации от своих же военно-морских властей. Заранее рассчитывая на успех таких манипуляций, мы все же сознавали опасность того, что погода может заставить нас провести несколько суток вдали от берега, и тогда англичане могут заинтересоваться странным норвежским судном и его повторным появлением на севере. Что делать? И какой должна быть

наша окончательная маскировка в решающий момент прохождения блокады? Решение Рогге использовать русский флаг потрясло нас своей наглостью.

Русские, объяснил он, всегда были самым скрытым народом, имели обыкновение отправлять свои суда куда хотят без предварительного уведомления, и поэтому при их идентификации нередко возникали трудности. Также командир учел определенные трения, существовавшие между Англией и Советами, в результате которых представлялось маловероятным, что командир британского военного корабля рискнет принять слишком суровые меры для остановки русского судна на основании одних только смутных подозрений. Были и другие преимущества, добавил Рогге.

– Советские порты избавлены от любопытных глаз, поэтому англичане вряд ли сумеют быстро установить, где находится «оригинал». Да и языковой барьер никто не отменял... Интересно, – усмехнулся Рогге, – сколько англичан так и не смогли его преодолеть.

Разобравшись в планах командира, мы горячо одобрили его намерения, однако санкция Берлина была дана с большой неохотой. В это время на Вильгельмштрассе старались не раздражать русских, и, попросив советский военно-морской флаг, Рогге получил его только при условии, что передача будет произведена в условиях абсолютной секретности. Флаг, завернутый в большое количество упаковочной бумаги и тщательно увязанный, будет отправлен начальнику штаба командования Балтийским флотом (адмиралу), который передаст посылку Рогге лично в руки.

Такие предосторожности вполне устраивали командира «Атлантиса», который тоже, правда, отнюдь не по политическим мотивам, желал избежать огласки. Когда же долгожданная посылка в конце концов, с большим опозданием, прибыла, она прошла через обычную корабельную почту и к тому же оказалась вскрытой по дороге.

Дело в том, что, составляя столь сложный план пересылки, военная разведка упустила одну маленькую деталь – забыла предупредить начальника штаба.

Позже тот удовлетворил любопытство Рогге:

– Русский флаг? Да, он пришел в посылке, адресованной мне, поэтому я, конечно, ее вскрыл. Мне она показалась неважной, поэтому я и переправил ее почтовому ведомству для доставки. Кстати, а почему вы коллекционируете именно флаги?

Вернувшись на корабль, Рогге изрядно позабавился, заметив, как молодые офицеры отчаянно стараются справиться с любопытством и не задавать вопросов. Он решил поддержать их еще немного в напряжении – лишняя тренировка в искусстве маскировки.

Однако пришло время, когда уже нельзя было отделяться обычными лаконичными фразами.

– Итак, господа, – сказал он, – мы не можем провести учебные стрельбы на покрытой льдом Балтике. Поэтому нам предстоит провести их в Северном море.

Северное море!

Последовала длительная пауза. Мыслительный процесс активизировался настолько резко, что казалось, движение мыслей можно было услышать. Северное море? Это действительно будут стрельбы? Или мы, наконец, выходим в поход? Но Рогге не сказал больше ничего.

Прошло несколько дней.

По кораблю прошел слух: «Выходим в понедельник».

– Как в понедельник? Это же 13-е число!

Рогге ухмыльнулся:

– Не беспокойтесь, господа. Я получил разрешение поднять якорь 12-го в 23.55.

У нас на корабле не развевался на ветру боевой флаг, не было прощаний, улыбок, слез, поцелуев, никакой суеты. Одиссея «Атлантиса» началась с ползания, медленного, изнуряющего, монотонного движения вслед за древним «Гессеном» – бывшим дредноутом, чья молодость совпала с юностью кайзера, который теперь использовали для очистки пути ото льда.

Новоявленный ледокол выполнял свою новую задачу с большим достоинством, словно хозяин, волею случая вынужденный вести слугу – наглого выскочку.

А тем временем в Киле мой отец, береговой служащий военно-морского флота, с грустью смотрел на кипу писем и посылок, сложенных в комнате по соседству с его кабинетом.

Чтобы сохранить в тайне дату выхода в море, мы оставили на берегу матроса, поручив ему специальное задание – ежедневно ходить в почтовый офис и забирать пришедшую в наш адрес почту. Потом он складывал письма и посылки в комнату, которой никто не пользовался.

Мой отец, единственный из родителей, знавший, что происходит, часто с грустью смотрел на эти свидетельства любви тех, кто ни о чем не ведал, и потом сказал мне, что это было одно из самых душераздирающих зрелищ. Ведь люди писали, их любящие сердца страдали и напрасно ждали ответа, не подозревая о том, что ждут они зря, а их любимые находятся очень далеко, на другом конце света.

Когда «Атлантис» вышел в Северное море, оказалось, что буксиры, первоначально выделенные для буксировки мишеней, отправлены на выполнение тягостного и заведомо обреченного на неудачу задания – спасти команду подводной лодки, несколько часов назад потопленной британским самолетом.

Начало было неудачным, но иначе и быть не могло – тринадцатое есть тринадцатое. Все-таки в предрассудках определено что-то есть. Дальше было не лучше, и мы не слишком удивились, когда выделенный нам в конце концов буксир оказался слишком маломощным, чтобы буксировать мишень с необходимой скоростью против течения.

В итоге результаты стрельб оказались значительно менее удачными, чем мы рассчитывали, хотя в последнюю ночь мы и получили некоторое удовлетворение, став причиной общей тревоги на берегу. Использование трассирующих снарядов, производящих вспышку над мишенью, оказалось настолько энергичным, что в Берлин было отправлено следующее сообщение: «Имел место очень серьезный морской бой. Вероятно, британский флот атаковал крупными силами».

К 19-му числу все снова было в порядке. Мы так и не знали, является ли наш выход началом большого боевого похода, или мы просто вернемся обратно в Киль. Страхи и сомнения развеял Рогге, объявив:

– Я получил приказ готовиться к прорыву.

Наконец-то наступил момент, которого мы ждали семь долгих месяцев, финальная прелюдия, за которой начнется действие. В течение какого-то часа моральный дух команды взлетел на небывалые высоты, и, пребывая на подъеме, мы взяли курс на Зюдерпип, где должны были окончательно «принять обличье» норвежского судна, которое можно впоследствии легко переделать в русское.

На Зюдерпипе в это время года тихо, спокойно, нет людей, а значит, и посторонних глаз. По крайней мере, мы на это рассчитывали.

23 марта. Наступила ночь, над морем и заснеженной землей подул холодный, насыщенный влагой воздух. Люди на берегу начали укладываться в теплые постели, радуясь, что им не надо выходить из дома, а лучи далеких прожекторов лениво зашарили по черному, низко нависшему небу. В это время на пришвартованной к причалу плавбазе начали происходить весьма странные события.

– Веселее, художники! Работаем быстро и качественно!

На свет были извлечены краски, кисти и подмости, а из помещений команды стали выползать замерзшие, дрожащие люди, громко проклиная погоду и вполголоса ругая командиров, назначивших их на такую собачью работу.

– Здесь надо наложить еще один слой...

– Шевелись ты!

– Эй, вы там, вы кем себя возомнили? Рембрандтами? Время уходит! Красим быстро и качественно!

Всю ночь под тусклым светом прикрытых, чтобы не привлечь внимание, фонарей люди красили немеющими от холода руками корпус, болтаясь на ветру в маленьких люльках, карабкались на мачты, вкладывая все накопившиеся в душе чувства в быстрые мазки кистями. Воцарившийся вокруг хаос был кажущимся: через несколько часов работа будет сделана.

Среди этих страдающих и очень жалеющих себя корабельных «золушек» был матрос по фамилии Хелл, и он чувствовал себя в полном соответствии с английским значением своей фамилии.⁸ Настоящий художник, наделенный, как и все его собратья по профессии, излишней чувствительностью, он испытывал отвращение к выполняемой им работе, так же как и к речам своих товарищей.

«Боже мой, – думал он, – ужель это и есть военная слава? Поэзия сражения?» На несколько секунд Хелл погрузился в романтические мечты о героических битвах и падающих замертво врагах. Из приятных грез его вырвал грубый голос старшины, завопившего прямо в ухо:

– Эй, ты, шевели своей чертовой задницей! Подумаешь, Микеланджело гребаный. У тебя нет в запасе семи лет, чтобы созерцать свои проклятые полотна!

Люди вокруг захихикали. Хелл со злостью воткнул лохматую вульгарную кисть в огромную емкость с вязкой субстанцией, названной «филистимлянами» краской. Его тонкие, чувствительные пальцы болели от холода, и еще до исхода ночи они покрылись кровавыми волдырями.

Посторонних глаз на Зюдерпипе действительно не было, если, конечно, не считать материализовавшегося прямо над нашей головой британского самолета. Но и он пролетел мимо – летчики явно не обратили на нас никакого внимания. Возможно, их интересовали только подводные лодки? Потом нам повезло – от спокойной черной воды поднялся туман, накрывший нас серо-зеленым одеялом. Под таким хорошим прикрытием мы смогли без помех опустить фальшивую трубу – последняя деталь нового облика.

Шкиперу рыболовного траулера пришлось резко переложить руль до упора, когда из тумана возник темный грозный силуэт.

– Это еще что за птица? – спросил он помощника. – Какого черта он здесь делает?

Потом нос траулера медленно повернулся, и судно исчезло во мраке, словно призрачный Летучий голландец.

Но этот шкипер оказался не единственным человеком в рыболовном флоте, заметившим укутанное туманом судно, стоящее на его пути. Не прошло и пяти минут, как стихли его ругательства, когда туман совершенно неожиданно и очень быстро рассеялся, открыв «Атлантис» всем желающим нескромным взорам. Наш корабль оказался застигнутым врасплох, словно актер при преждевременном поднятии занавеса.

– Странно, очень странно, – говорили рыбаки на берегу.

– Вы видели трубу? Вторую трубу? Что, черт возьми, было не так?

– А вы заметили, какая у них большая команда? Люди толпились на палубе!

Рыбаки были озадачены. Они хотели, из самых лучших побуждений, предложить свою помощь! Но навстречу вышел военно-морской катер и отослал их.

Зюдерпип был таким уединенным местом в это время года... зря мы на это рассчитывали.

– Ближе прошли, – отметил один из матросов на борту «Атлантиса». – Интересно, что они расскажут на берегу?

Мы это очень скоро узнали! Нашим следующим визитером был спасательный катер из Куксхафена. Но только к моменту его прибытия мы уже стали норвежцами, очень мрачными

⁸ Hell – ад (англ.).

норвежцами, недовольными тем, что оказались «под арестом». Карантинный флаг висел смятой тряпкой, но был вполне заметен, а эскортирующий катер превратился в «полицейского».

Картина не была необычной, во всяком случае, для этих мест во время войны. Совершенно очевидно, что норвежское судно было остановлено для досмотра. Спасатели сошлись во мнении, что оно везло лес в Англию. Но куда делось терпящее бедствие двухтрубное судно, о котором говорили рыбаки? Да черт его знает, пожимали они плечами. По прибытии домой им пришлось выслушать немало намеков на весьма своеобразное влияние шнапса и тумана на воображение отдельных людей. На том и порешили.

Спасатели были правы, по крайней мере, в одном. У нас на борту действительно был лес, хотя и не для Англии.

Нашим был лес фальшивых орудий, сейчас разобранных и уложенных в трюмы, чтобы впоследствии появиться как дополнение к разным обличьям, как того потребует сценарий.

Был апрель. Апрель 1940 года. Шла первая неделя месяца и ночь густого тумана. Воды Северного моря были беспокойны, с земли дул пронизывающий ледяной ветер. Это было начало боевого похода, за время которого нам предстояло пройти расстояние, равное четырем длинам экватора. Это было начало самого длительного и разрушительного морского рейда в истории войн на море. Почти два года мы не должны были знать другого дома, кроме своего корабля. Почти два года мы должны были сражаться с капризами лучшего друга и злейшего врага – моря.

Внизу включенное на полную громкость радио орало бравурный марш, а на палубе было тихо. Мачты и надстройку окутал туман – мокрый, холодный, липкий. Молчаливые люди двигались, словно привидения в стране теней.

Нас не провожали родственники, на причале не играл оркестр, оставшийся позади берег не подмигивал яркими огнями. Музыкальным сопровождением начала нашего путешествия стал ритмичный шум двигателей, которому вторили гудки далеких судов, таких же одиноких странников.

Мы вышли в море 1 апреля. В день дурака.

Глава 4

МЫ БРОСАЕМ ВЫЗОВ

Корабль провалился во впадину между волнами, напряженный и вздрагивающий, словно готовая к нападению собака. Потом он взлетел на гребень, отряхивая с себя воду, напоминая опять-таки собаку, но теперь уже после купания, и обрушивая на поверхность каскад пены, брызг и мелких льдинок.

Мы уже прошли минное поле и теперь двигались сквозь темноту и мелкий дождь, напряженно вглядываясь в пасмурное небо, где каждое пятнышко могло оказаться вражеским самолетом. Наши уши глохли от пронзительных завываний ветра, а руки коченели на ледяном ветру. На мостике обычная кружка горячего чая представлялась предметом невообразимой роскоши, заставлявшим наши внутренности сжиматься в ожидании благодатного тепла. Несмотря на все неудобства, мы были чрезвычайно взволнованы, возбуждены вагнеровским грохотом моря и ветра и яростью бушующих волн. Все это казалось новым и необычным после столь длительного пребывания на берегу.

На нашем пути было три крайне опасных участка. Первый – это канал, ведущий через гигантское минное поле, тянущееся от Фризских островов на север. Второй – Горло – самый узкий участок между Норвегией и Британскими островами, и третий – Датский пролив – вход в Северную Атлантику – всегда покрытый туманами проход между Исландией и паковыми льдами Гренландии. Мы бросим вызов англичанам, потому что британские субмарины имеют дурную привычку ожидать в засаде на выходе из канала через минное поле, британские крейсера господствуют в Горле, а британские самолеты контролируют обширное морское пространство, базируясь на Шетландских островах.

На первом участке нас сопровождал эскорт торпедных катеров, чтобы прикрыть от возможного нападения из глубины, и истребители – защитники от угрозы с неба. Но что дальше? Нам пообещали подводную лодку для ближнего эскорта и гидросамолет Do-26 для разведки в Северном море. Это было самое большее, что адмиралтейство могло для нас сделать. Потом, сказал Рогге, все будет зависеть только от нас, ну и, конечно, удачи.

– Удача не должна нам изменить, – добавил он.

– Кое-кто будет сегодня крепко спать на берегу, – кисло сморщился Каменц, провозжая взглядом эскортирующие нас катера, которые, выполнив свою миссию, развернулись и рванулись к берегу, как стайка подростков, бегущая из школы домой.

– Чего хнычешь? – рассмеялся один из нас. – Все равно же никуда не денешься.

И Каменц, вспомнив о первых часах нашей миссии и чувстве невыразимого облегчения, охватившем нас, когда «Атлантис» наконец вышел в открытое море, был вынужден признать, что говоривший прав.

Ведь именно этого мы хотели. Мы знали, что нам предстоит действия на морских торговых коммуникациях противника, и шли на это с открытыми глазами. Из-за многочисленных ограничений, связанных с обеспечением секретности, мы не смогли в полной мере насладиться приятностями береговой жизни и поэтому не слишком страдали из-за их отсутствия. Главным ощущением первых часов похода было непередаваемое чувство свободы, заставившее нас на время позабыть сожаления о несказанных словах прощания, горечи разлуки на неопределенный срок. Началась наша новая жизнь на океанских просторах.

Мучительные сожаления и горькие мысли еще вернутся и будут нас изводить долгими бессонными ночами, являться в снах. Но 1 апреля 1940 года мы оставили свое «вчера» позади, его эхо постепенно затихало, хотя все еще старалось быть услышанным. Его заглушили наши

голоса, громкие, чтобы перекричать шум ветра и шум винтов, взбивающих холодную воду в белую пену по мере продвижения «Атлантиса» к северу.

– Вот она! – воскликнул сигнальщик. – Красный⁹ сорок пять.

На гребне волны показалась круглая черная и очень грозная мина. Торчащие из воды проржавевшие «рога» придавали ей вид некоего уродливого живого существа, порождения морских глубин.

По пути на север нам предстояло встретить еще немало таких нежелательных и незваных гостей, но пока шел только первый день нашего путешествия, и монстр, покачивающийся в обрамлении ключев пены всего лишь в 35 метрах от борта, являл собой новое, непривычное зрелище. У борта собрались матросы, чтобы рассмотреть диковину поближе.

– Мина определенно британская, – сказал один из молодых матросов. Его голос был необычно громким и звенел от волнения и желания произвести впечатление.

– Сынок, – заметил моряк постарше. – На это нам наплевать. Она могла родиться на Руре и иметь на боку свастику, но при столкновении убьет нас так же легко, как британская.

Наступил вечер, а с ним и волнения другого рода.

– Вижу мачты прямо по курсу!

В сгущающихся сумерках можно было различить три небольших суденышка, спешащие к норвежскому берегу. Они держались очень близко друг к другу.

– Траулеры, – сказал Рогге, – но они мне очень не нравятся.

Суда довольно быстро скрылись из вида, но мы продолжали их слышать, поскольку радист, исполненный сознания собственной важности, доложил:

– Траулеры передают сообщения в эфир.

Что они посылали, нам так и не довелось узнать, потому что мирные рыболовные траулеры использовали британский военно-морской шифр.

В своем дневнике я записал: «Нелегкая ночь».

Со стороны кормы всплыла эскортирующая нас подводная лодка. Она раскачивалась, как гигантский поплавок, иногда демонстрируя нам знаки на бортах, подмигивала сквозь облако брызг, словно глаз скелета, и выплевывала в воздух клубы черного дыма.

Хартман, командовавший лодкой, был чрезвычайно недоволен и взирал на не слишком изящную, тяжело двигающуюся посудину, которую был вынужден сопровождать, с откровенной неприязнью. Какой неудачный конец столь многообещающей карьеры! Какое неприятное задание, последнее перед переходом на должность инструктора и командира учебной флотилии на Балтике! Хартман хмурился все сильнее. А ведь он так хотел потопить еще хотя бы несколько судов до того, как уйдет с боевой службы, ему нужно было только несколько жалких тонн, которых хватило бы для получения Рыцарского креста. До появления «Атлантиса» эта вожеленная награда представлялась вполне достижимой, а его репутация безжалостного и высокоэффективного командира в кругах подводников была настолько прочной, что он был просто обязан завершить свою карьеру каким-нибудь зрелищным успехом. Хартман с тоской смотрел на серую поверхность воды вокруг боевой рубки. Он чувствовал себя не в своей тарелке, так же как и, наверное, его подводная лодка U-37. Их лишили права свободной охоты, подняли из привычных морских глубин и заставили заниматься черт знает чем! Быть может, он бы не расстраивался так сильно, если бы чувствовал, что U-37 будет по-настоящему эффективной, если над кораблем-16 нависнет реальная угроза. У Хартмана давно уже не осталось иллюзий. Если погода будет продолжать ухудшаться, от U-37 будет не больше пользы, чем от случайно попавшего в эти воды кита-переростка. Это было плохо, слишком плохо.

Шторм обрушился на «Атлантис», когда он подходил к Горлу – району между Шетландскими островами и Бергенем. Рогге планировал миновать этот опасный район до рассвета, но

⁹ Красный – слева по курсу, зеленый – справа.

быстро утратил надежду выдержать свое расписание, даже в компании с подводной лодкой, сражавшейся с десятибалльным штормом.

Поэтому он решил распрощаться с ее защитой и отправил лодку под командованием до крайности раздосадованного капитана вниз, назначив рандеву позже. Когда рассвело, море все еще было беспокойным, однако в небе не было ни единого облачка.

Рогге прочитал донесение разведки. Его содержание не утешало. Три британских крейсера контролируют Горло, три вспомогательных крейсера действуют в Датском проливе, наблюдается повышенная активность вражеской авиации.

– Что ж, пока мы еще с ними не столкнулись, – заметил Рогге.

Впередсмотрящий заметил противника первым – две тонких черных иглы, поднимающиеся из моря на западе.

Он несколько секунд помедлил, прежде чем поднять тревогу. В условиях волнения очень сложно твердо держать бинокль, а причудливые краски рассвета и ветер зачастую обманывают воспаленные глаза. Он постарался занять устойчивое положение в своей ненадежной люльке на топе мачты и снова взглянул в нужном направлении. Нет, ошибки не было.

– Вижу мачты, – сообщил он по телефонной линии, соединяющей его уединенное «гнездо» с мостиком.

– Боевое расписание!

Когда прозвучал сигнал тревоги, моряки, весьма темпераментные люди, что бы они ни делали – шутили или ругались, всегда предававшиеся своему занятию всей душой, – немедленно перестали поминать «ублюдков на берегу» и заняли свои места. Не зная Каша, нашего артиллериста, можно было посчитать его итальянцем: слишком уж темпераментными были его реакции на успехи и неудачи. Сейчас этот невысокий жилистый смуглый человек присел на корточках возле дальномера над нашей головой. Его возбуждение выдавали фанатично горящие глаза.

– Орудия готовы к бою!

Только легкое подергивание кончика длинного тонкого носа и более высокий, чем обычно, голос выдавали эмоции, владеющие Пфайлстикером, когда он приступил к выполнению своих обязанностей связиста. Когда война призвала его из классных комнат сельской школы, многие родители были расстроены. Подумать только, их замечательный директор школы станет обычным рядовым! Но Пфайлстикер чувствовал себя вполне счастливым, в свободное от служебных обязанностей время формируя учебные группы из числа команды. Он был твердо убежден, что мозг человека должен постоянно работать. Ясное и трезвое мышление, быструю реакцию, без которых при нашей службе не обойтись, можно требовать только от человека, постоянно повышающего свой образовательный уровень, расширяющего кругозор.

Нет, подумал Рогге, внешне остававшийся совершенно спокойным. Красный свет на фок-мачте ведущего судна – это определенно не навигационный огонь. Неожиданно оба незнакомца выполнили согласованный поворот и двинулись в нашем направлении. Вокруг более высокой иглы возникло и начало принимать форму черное пятно – дымовая труба. Рогге не мог терять время и знал это.

– Инженера на мостик! – приказал он, и через несколько минут появился Кильгорн.

Он тяжело дышал – сказывалось наличие лишнего веса, так же как и переход из жары машинного отделения на морозный воздух.

– Итак, чиф, что вы можете для нас сделать?

Круглое и жизнерадостное лицо Кильгорна сморщилось – так он изображал мыслительный процесс. Впрочем, ответил он довольно быстро:

– Шестнадцать, максимум семнадцать узлов. Полагаю, это все. Старушка и так ведет себя лучше, чем можно было ожидать.

Удача. Пиратское счастье. Везение «Атлантиса». Последовал двойной звонок машинного телеграфа, и, к нашему немалому удивлению, мачты и трубы незнакомых судов начали медленно удаляться, а потом и вовсе скрылись за линией горизонта. А «Атлантис», никем не преследуемый, продолжил путь на север.

Счастливым случай. Напряжение начало спадать. Пфайлстикер, пытающийся читать «Покорение галлов», неожиданно почувствовал, что печатное слово утратило над ним свою волшебную власть. Мысленно он постоянно возвращался к событиям последнего часа, оказавшим на него необыкновенно возбуждающее действие. Всегда считавший себя лишенным всяческих эмоций, Пфайлстикер вдруг понял, что в его душе, надежно упрятанной под внешней оболочкой сухости и напускного спокойствия, живет романтик.

Счастливым случай? Каш полагал, что так оно и было, если, конечно, это были военные корабли англичан. А если вспомогательные крейсера? При мысли о вызове на бой противника, равного по силе, неизменно невозмутимый и убийственно логичный Каш уступал место Кашу – пламенному борцу.

Что ж, думал Рогге, снова и снова перебирая в уме события последнего часа, опасность была близко, но ее удалось благополучно избежать. Задача «Атлантиса» заключается в том, чтобы миновать блокадные заслоны, а не ввязываться в бой, который, даже если закончится победой, приведет к скорому возмездию или преждевременному возвращению домой.

Нам, скорее всего, повезло, потому что хотя мы и предполагали, что встреча с неизвестными судами не сулит нам ничего хорошего, но все же не догадывались о степени опасности, которой избежали.

За несколько дней до начала немецкой оккупации британское правительство решило вынудить норвежцев согласиться с требованиями, касающимися судов-рудовозов, отправив мощные военно-морские силы для минирования канала, расположенного между материковой частью Норвегии и островами и используемого судами, занятыми в торговле с Германией. Мы заметили краешек этого соединения военных кораблей, состоящего из линкора и шестнадцати эсминцев. Это далеко не пустяк!

Справа по борту остался одинокий остров Ян-Майен. Вскоре к нам снова присоединилась подводная лодка U-37.

Теперь мы оказались в зоне низкого атмосферного давления. Ветра не было, и на протяжении короткого северного дня яркое солнце заставляло поверхность моря сверкать, словно зеркало. Безбрежность окружающего нас океана еще более подчеркивалась полной неподвижностью водной глади. Везде царил абсолютное безмолвие, которое не тревожили даже крики птиц. Единственными нарушителями спокойствия были мы – «Атлантис» и подлодка U-37, которая следовала за нами, взбивая воду в облака молочно-белой пены.

В те дни я записал в своем дневнике: «Отправили на U-37 свежие булочки, немного поболтали. Амбиции Хартмана, касающиеся потопления судов, типичны для подводника. Интересно, если бы „Атлантис“ был потоплен какой-нибудь британской субмариной, как бы доблестные подводники поступили с оставшимся после него странным мусором – веселые летние платья, детские коляски».

Должно быть, результаты ловкости и изобретательности нашего ума на холодной морской поверхности явились бы впечатляющим зрелищем. А уж британцев они уж точно привели бы в полное недоумение. Ведь вместе с колясками – Рогге так и не сказал нам, зачем они нужны, – среди обломков плавал бы военно-морской флаг, а также флаги с норвежским крестом, серпом и молотом и восходящим солнцем.

Итак, наше путешествие продолжалось. Дни становились короче, а ночи длиннее. Когда же северное сияние воспламенило небеса, ни один из членов команды не смог остаться равнодушным к этому волшебному зрелищу. Теперь корабль стал для нас землей, а все окружающее стало казаться странным и далеким, словно звезды.

Мы преодолели два препятствия из трех: минное поле и Горло остались позади. Оставалось еще одно, последнее – Датский пролив.

Чтобы снизить шанс нежелательной встречи, Рогге выбрал для «Атлантиса» самый северный из всех возможных маршрутов, планируя держаться как можно ближе к гренландским паковым льдам и, несмотря на определенные навигационные трудности, оставаться на максимально возможном расстоянии от берегов Исландии. Люди пребывали в состоянии повышенной готовности. Половина команды постоянно находилась на своих местах по боевому расписанию. Офицеры, и уж тем более Рогге, тоже не имели возможности отдохнуть.

Напряжение еще больше усилилось, когда до нас стали доходить новости из внешнего мира.

В моем дневнике 8 апреля записано: «Вокруг норвежского вопроса воцарилось какое-то странное спокойствие. Я бы сказал, подозрительное спокойствие».

9 апреля: «Мы вошли первыми».

Я услышал о вторжении в Норвегию по Би-би-си – ко мне, как помощнику Рогге, разумеется, не относилось правило о том, что за прослушивание вражеских радиостанций можно поплатиться головой. Коммюнике немецкого Верховного командования последовало намного позже и было передано по судовой трансляции. Что мы почувствовали, услышав об этом историческом событии? Буду откровенен. Все мы испытали большое облегчение, потому что сумели вовремя ускользнуть и не оказались между двумя противоборствующими силами. Правда, радость несколько умеряли вполне обоснованные опасения активизации британских операций в Северной Атлантике, а также понимание того, что наши шансы на возвращение, если, конечно, вообще удастся вырваться, представляются не слишком реальными.

Старшина-рулевой Пигорс высказался так:

– Нам, конечно, будет нелегко, но им все равно хуже.

Мне оставалось только кивнуть. Конечно, «Атлантису» будет несладко, но, как выразился ветеран парусного флота, подводникам будет хуже, для них начнется настоящий ад.

Барометр падал. Волны становились все выше и выше, и спустя десять минут на нас в полную силу обрушился завывающий на все лады арктический шторм – его я не забуду до конца своих дней.

Только что все было спокойно, но уже в следующий момент на нас обрушилась стихия, наверное подгоняемая всеми силами ада. Гигантские водяные волны обрушивались на судно, заставляя его содрогаться в агонии и стирая краски с лиц людей. Вокруг «Атлантиса» творилось нечто невообразимое. Первозданная дикость, яростное буйство швыряло корабль, словно крошечную скорлупку, стремясь разнести его на части, изломать мачты, трубу и надстройку, развеять по ветру такелаж. Мы не слышали даже собственных голосов, ничего, кроме грохота волн и воя ветра, все остальные звуки в мире перестали существовать.

Вода вливалась сквозь щели оружейных люков, намерзала на орудиях, вынуждая усталых и измученных людей счищать лед с оружейных замков и прицелов, только для того, чтобы уже через несколько минут снова вернуться к той же работе, поскольку белая масса восстанавливалась с поразительной быстротой. Термометры показывали семнадцать градусов ниже нуля. Наши желудки были пустыми, ноги стали ватными и немели от усталости, головы гудели, а летящие с моря тучи брызг и льдинок хлестали по щекам, липли к ресницам, и тяжелые веки сами закрывались.

«Атлантис» бросало из стороны в сторону, причем сильнейшая килевая качка сменялась бортовой, которая оказывалась ничуть не слабее, а потом снова следовала килевая. Под ударами ледяной воды мы чувствовали себя как под обстрелом. Корабль кренился. Дрожал, подпрыгивал и по-человечески стонал. Но не сдавался. Он был ошеломлен, возможно, деморализован, но слепо продвигался вперед. Это было состояние, когда все чувства уже умерли, осталась только воля и желание выжить.

Потом волнение стихло, но холод стоял воистину адский. Наше дыхание оседало дымкой на металлических частях биноклей, и с каждым вздохом в легкие врвался болезненно холодный воздух. Наши меховые шапки – в таких ходят русские офицеры – уже давно перестали быть просто предметом маскировки. Просоленные, пропитанные влагой от постоянных брызг, они защищали наши уши от обморожения и немного смягчали резкость ветра, причитающего, словно стоны валькирий.

«Атлантису» было плохо, но для подводной лодки наступил сущий ад. Ее боевая рубка покрылась многотонным слоем льда. Именно многотонным, здесь нет никакого преувеличения. При таком разгуле стихии нам оставалось только удивляться, как она выжила. И все же подводники выполняли приказ, а их впередсмотрящие подвергались жесточайшим пыткам, когда лодка взлетала на гребень очередной волны, потом обрушивалась во впадину, но лишь для того, чтобы снова взлететь на гребень следующей.

Когда шторм утих, выяснилось, что наш русский «реквизит» изрядно истрепался. Красная звезда, которую мне изготовили в машинном отделении, чтобы «присвоить» звание советского военно-морского флота, оторвалась и потерялась. Наш хирург Райль и его помощник – очень юный младший лейтенант Шпрунг были заняты сломанными конечностями, рваными ранами и обморожениями. И все же погода, нанеся такой жестокий урон, уберегла нас от более тяжелых потерь.

Шторм унес дрейфующий лед, окаймлявший пролив, отогнав его ближе к ледяному поясу Гренландии. Таким образом, у нас появился шанс проскользнуть по тем участкам, которые обычно бывают покрыты льдом, а значит, можно предполагать, что там нет англичан. Отогнав плавучие льдины ближе к паковому льду, шторм расширил канал для нашего прохода, и Рогге постарался использовать создавшуюся ситуацию с максимальной выгодой для нас, проведя «Атлантис» всего лишь в 45 метрах от чрезвычайно опасных, сверкающих на солнце голубовато-белых полей, видневшихся по правому борту.

Мы попрощались с сопровождающей нас субмариной, на этот раз навсегда. Перед уходом подводники передали нам сообщение, состоящее из двух слов: «Удачной охоты!»

Теперь самое трудное осталось позади. В своем дневнике я записал: «Вчера мы шли мимо полосы пакового льда. Пейзаж был странным и необычным, напоминающим лунный – с горами и кратерами. А сегодня я увидел Гольфстрим, причем действительно увидел в самом прямом смысле этого слова. Там, где теплые воды встречаются с холодными, из океана поднимается пар, и создается впечатление, что вода кипит. Пока свободная от вахты часть команды оживленно обсуждала это своеобразное природное явление, мы неожиданно поняли, что северные ветра остались позади: завершился первый и самый сложный этап нашего путешествия».

На следующий день мы пересекли торговые пути англичан в Северной Атлантике, видели много британских кораблей, для которых мы не представляли интереса. Один из них прошел так близко, что мы смогли во всех деталях рассмотреть палубные орудия. Однако наши инструкции были вполне определенными. Мы не должны были проявлять себя в этих водах, если только не подвергнемся нападению.

Наша оперативная зона находилась в 1000 миль южнее. Мы миновали Северную Атлантику и взяли курс на юг.

Глава 5

КОРСАРЫ И КИМОНО

Я так и не знаю, что это было за судно. В то время мы идентифицировали его как скандинавское. Но Рогге сказал:

– Даже если бы оно было британским и набито под завязку военной контрабандой, я бы все равно не смог его потопить. Да и какой моряк в наши дни сможет потопить парусное судно?

Зрелище парусника, освещенного первыми лучами восходящего солнца, чарует и завораживает. Когда изящный трехмачтовый барк с трепещущими на ветру белоснежными парусами движется по волнуемому морю, создается впечатление, что утонченная леда в кринолине надменно выступает по грязной мостовой.

Внизу в кают-компании мы досаждали командиру намеками на его «личную привязанность» к барку, хорошо зная его любовь к парусам, которые он всегда предпочитал паровым и дизельным двигателям. Полагаю, что решение не трогать парусник было принято вполне обоснованно. Судно шло под флагом нейтральной страны, а мы все еще находились в непосредственной близости от Северной Атлантики, а значит, приказ не стрелять, если на нас никто не нападает, и не привлекать к себе внимания оставался в силе. Поэтому прелестное видение прошествовало мимо, оставшись в блаженном неведении о том, какой опасности избежало. Его высокий форштвень рассекал воду, словно серебряный нож, а переплетение снастей казалось сверкающей паутиной, сплетенной неким неведомым пауком. Несмотря на хрупкость, в паруснике чувствовалась сила, и он весь представлялся совершенным творением природы, а не человека.

В это время мы уже шли через фиолетовые воды Саргассова моря, и «Атлантис» «снял свой маскарадный костюм». Советский флаг и красная звезда на крышке люка ушли в прошлое, и теперь мы изображали судно такой же загадочной неизвестной нации, как и русские. Короче говоря, мы плыли под флагом с изображением восходящего солнца и назывались «Касии Мару». 8400-тонное судно перевозило «пассажиров» и имело статус нейтрального.

Процесс, в результате которого мы приняли обличье этого судна, был довольно сложен. Сначала я выбрал из регистра Ллойда все суда, построенные после 1927 года и имевшие, это было самое главное, крейсерскую корму. Список получился очень длинным – помню, при взгляде на него меня все время бросало в дрожь. После долгой, скучной и кропотливой работы я определил, что только двадцать шесть судов обладают достаточным сходством с нами, но и этот список следовало сократить. Нам следовало исключить все суда, хорошо известные офицерам британских вспомогательных крейсеров, а поскольку последние чаще всего принадлежали линии Р & О, необходимо было исключить все суда, посещавшие южноафриканские и бельгийские порты в Африке. Но и после этого моя работа не была завершена, надо было учесть и другие соображения. К примеру, мы не могли использовать судно, имеющее белую ватерлинию, потому что ее очень трудно закрасить.

Со временем у меня остался совсем небольшой выбор, и после длительного обсуждения мы утвердили кандидатуру «Касии Мару», в общем, потому что это было единственное подходящее японское судно.

Перед началом боевых действий наступили дни, исполненные истинного восторга. По пронзительно голубому небу, где не переставало сиять яркое солнце, плыла фантастическая процессия причудливых белых облаков. Они следовали величественно и неспешно, эти облачные каравеллы, свысока игнорируя все происходящее внизу, а отбрасываемые ими легкие тени мелькали и терялись в море. Море было таким ярко-синим, что на него больно было смотреть. Его украшали молочно-белые полоски пушистой пены, венчавшей гребни волн. Временами в

воде можно было разглядеть переливающиеся множеством цветов звезды медуз, иногда над поверхностью показывались серые блестящие спины дельфинов, выполнявших свои сложные акробатические номера. После суровости севера теплый бриз казался особенно приятным, он нежно ласкал обмороженную кожу, вливая жизнь в усталые мышцы и вдохновляя людей на новые свершения. Безо всяких напоминаний команда работала споро и с полной самоотдачей. Море и небо явно вступили в сговор, имеющий целью показать нам всю прелесть тропиков без изнуряющей жары и сводящей с ума влажности, с которыми мы встретились позже. Ночь одевала окружающий нас мир в другой наряд, ничуть не менее красивый. На залитой лунным светом поверхности воды мелькали светящиеся рыбы, окрашивая волны в мириады ярких цветов. Вода переливалась самыми необычными цветами, и создавалось впечатление, будто мы попали в чудесную волшебную сказку. Мир вокруг нас был прекрасен, и я до сих пор иногда вспоминаю сопровождавшее нас в те дни ощущение полного покоя, предшествующее долгим месяцам нервного напряжения и ужасов кровопролития.

Нет, было бы неверно утверждать, что мы проводили дни напролет в праздности. Принять обличье японца требовало большой работы, далеко выходящей за рамки моего изучения регистра Ллойда. Самая большая проблема – это ватерлиния. Ни одно уважающее себя судно не допустит, чтобы его заметили на океанских путях с потертым и заржавевшим железным поясом на том месте, где должны находиться аккуратно проведенная линия и отметки грузовой марки. Поэтому наш второй помощник Кюн стал ответственным за наличие ватерлинии. Операция по ее нанесению, впоследствии ставшая для него одним из самых ужасных ночных кошмаров, выполнялась в море с приданием судну искусственного крена. В ней участвовало сто человек, которые забирались на подмости и балки, привязанные к борту «Атлантиса» маниловыми канатами, а еще несколько избранных в это время старались выполнить незавидную задачу – нанести краску на свес кормы с резиновой лодки, прыгающей вверх-вниз в промежутках между мазками на 3 метра. В это время вооруженные часовые стояли на палубе и внимательно осматривали поверхность моря, опасаясь акул, а впередсмотрящий с самым острым зрением высматривал непрошенных визитеров из числа людей. Причем кого из них следовало бояться больше, это еще большой вопрос. Обычно сразу же после окончания работ усиливалось волнение и смывало свежую краску, поэтому весь процесс приходилось повторять заново. Короче говоря, это была не самая приятная из работ. Матросы ругались и жаловались, офицеры орали и срывали голоса, в общем, горячились все. Однако наше превращение в «Касии Мару» прошло без привычного раздражения и ругани, и, возможно, потому, что разительный контраст между ледяной атмосферой Северной Атлантики, окружавшей нас во время превращения в русское судно, и ласковой погодой тропиков снизил накал страстей.

Дни и ночи сменяли друг друга, и Южный Крест, наш путеводный маяк, становился все ярче и ярче. Где-то гремела война, но мы не ощущали ни волнения, ни беспокойства. Нельзя сказать, что мы не думали о конечной цели нашего путешествия. Просто нам стало казаться, что единственное, что имеет значение, это море и небо вокруг, а от берега нас теперь отделяет вовсе не 6000 миль, а нечто гораздо более существенное, например три тысячи лет. Романтика бескрайних просторов бесцеремонно вторглась в наши души, и мы почувствовали себя первыми аргонавтами, а маскировка, ежедневные тренировки и все с ними связанное казалось не более чем утомительными формальностями, вульгарным вторжением уродливой обыденности в мир возвышенного.

– Вижу мачты!

Это был лайнер Эллермана «Сити оф Эксетер», идущий из южных морей в Англию. На нем много пассажиров, команда. Станет ли он нашей первой целью? Мы все считали именно так. Расстояние между судами постепенно сокращалось, артиллерист сообщал дистанцию, поправки на дальность и высоту, на мостике воцарилось напряженное ожидание, все взоры были устремлены на капитана. Наконец Рогге опустил бинокль и сухо проговорил:

– Атаки не будет.

Но почему? Мы недоуменно переглянулись, затем снова уставились на Рогге.

– Нет, – повторил он, – мы не будем атаковать. – Он объяснил, что на раннем этапе не хочет отягощать себя пленными, которых на таком судне будет много, может быть, не одна сотня, причем некоторым вполне может потребоваться особый уход, возможно, диета, которую мы в существующих условиях обеспечить не сможем – сами довольствуемся только самым необходимым. Но даже если отбросить соображения гуманности, добавил он, напомнив, что при нападении на такое судно могут погибнуть женщины и дети, нам еще рано привлекать к себе внимание.

«Хорошо бы, – подумал я, – наша маскировка не вызвала подозрений у дотошных британцев. Особенно это чертово название». И действительно, у меня были основания беспокоиться о японских буквах на носу и корме. Я аккуратнейшим образом перерисовал их с картинки в журнале, но на ней было изображено не судно, а рекламная вывеска на одном из домов в неизвестном мне японском городе. Я не имел ни малейшего понятия, как выглядит название «Касии Мару», если его изобразить японскими иероглифами, и, когда работа была закончена, наши остряки предположили, что я нанес на корпус судна написанное по-японски приглашение посетить и получить удовольствие в квартале красных фонарей.

Несколькими днями раньше мы стали свидетелями разгадки тайны, которая немало озадачила нас во время подготовки в Германии. Рогге заказал детские коляски, и, несмотря на всеобщее зубоскальство по этому поводу, неудачливому штабному офицеру было поручено их достать. И только во время генеральной репетиции пьесы, в которой мы теперь играли, стало ясно, зачем они нужны. Это самая убедительная деталь «сценического реквизита», которая непременно заставит зрителей поверить, что у нас на борту мирные пассажиры. Сейчас, когда к нам приближался «Сити оф Эксетер», все стало совершенно очевидно. Невысокий худощавый помощник кока начал медленно катать коляску взад-вперед по палубе. Он был одет в веселенькое летнее платье в цветочек. (Первоначально мы предложили кимоно, но получили ответ, что современные японские женщины предпочитают одеваться в западном стиле.) Для полноты картины на палубе имелся и «гордый отец» – одетый в гражданский костюм артиллерист. Ну чем не комическая опера? В корме лениво прогуливались около десятка самых низкорослых членов команды. Их головы были покрыты немецкой имитацией «тэнуи» – своего рода полотенцем, а основным предметом одежды были рубашки с развевающимися на ветру нижними концами. Очень в японском стиле!

Я стоял у штурманской рубки и обворожительно (хотелось бы в это верить) улыбался, глядя на приближающийся «Сити оф Эксетер». На плечи я накинул роскошный восточный халат, а на голову водрузил широкополую соломенную шляпу. Облик довершали темные очки, придававшие мне, на мой взгляд, зловещий вид, но, возможно, у японцев другие стандарты.

Сейчас мне этот бурлеск представляется забавным, но в тот момент все его участники были серьезны и сосредоточены. Расчеты стояли у орудий, готовые по приказу тотчас открыть огонь. Если бы англичане что-то заподозрили, им пришлось бы об этом здорово пожалеть. Мы не могли позволить, чтобы в эфир пошло предостережение о наличии рейдера – не на этом этапе нашего путешествия. С чистого и нарядного «Сити оф Эксетера» нас рассматривали в бинокль – мы заметили несколько ярких проблесков. Мне было очень любопытно, что они там думают о нас, и я некоторое время размышлял о роскоши и комфорте, окружавших британских пассажиров, от которых их на несколько минут отвлекло наше появление. Они, наверное, сейчас смотрят на нас и тоже испытывают любопытство. О чем они при этом могут говорить? Ты только посмотри, дорогая, настоящее японское судно! А те желтые коротышки на палубе – японцы.

На безукоризненно чистом мостике британского судна столпились офицеры – они внимательно нас изучали. Но вот они потеряли к нам интерес и разошлись по своим делам, очевидно,

их вполне удовлетворило увиденное. Судя по всему, наша внешность показалась офицерам «Сити оф Эксетера» столь непрезентабельной, что они даже не сочли нужным из вежливости поприветствовать нас.

Но мы не обиделись. Мы впервые получили доказательство того, что работали не зря. Тогда мы еще не знали, что именно сообщение с «Сити оф Багдадом» спустя несколько недель заставит нас снова пройти через очень болезненный процесс принятия нового обличья.

Разрабатывая очередной камуфляж, следует предусмотреть множество разных вещей. В роли японца «Атлантис» имел на орудийных люках изображение восходящего солнца. Но и тут не обошлось без проблем. Люки имели обыкновение ржаветь именно в местах «тайных» соединений и привлекали к себе внимание толстыми красными полосками. Этот недостаток, к счастью, еще не был слишком заметным при нашей встрече с «Сити», но позже требовал от нас неустанного внимания.

Таких проблем, бывших головной болью капитана, имелось множество. Он часами совещался со штурманом Каменцем, бывшим капитаном торгового флота, о способах и средствах придать «Атлантису» наиболее нормальную и безобидную внешность. Он часто приказывал спустить на воду катер, чтобы в очередной раз обойти вокруг «Атлантиса», – в этих поездках я его часто сопровождал. Мы фотографировали или делали зарисовки отдельных частей судна, чтобы потом тщательно сравнить их с оригиналом. Рогге понимал, насколько важна каждая мелочь, от надписи на фальшивом ящике, прикрывающем орудие, до высоты пиллерсов, и настаивал на точности во всем.

Во время таких поездок мы наблюдали действие наших «обманных огней» – сущее наслаждение для каждого, поскольку оно было очень эффективным. Хитрость заключалась в том, что щелчком выключателя в штурманской рубке можно было изменить навигационные огни – на обоих бортах и мачтах имелся комплект альтернативных. Так, мы имели возможность показать красный огонь на левом борту, а зеленый на правом, кормовой огонь на мачте,¹⁰ и соответственно, следуя определенным курсом, создавать видимость движения в противоположном направлении.

Утром 3 мая спокойное течение нашей жизни было прервано. Раздался крик впередсмотрящего «Вижу мачты!», и через несколько минут мы уже шли к британскому судну «Сайентист» – нашей первой жертве.

¹⁰ Согласно правилам бортовые огни – зеленый на правом борту и красный на левом – устанавливаются таким образом, чтобы светить от направления прямо по носу до 22,5 градуса позади траверза каждого борта. Кормовой огонь – белый огонь, расположенный в кормовой части судна в его диаметральной плоскости, светит от направления прямо по корме до 67,5 градуса в сторону каждого борта.

Глава 6

КРЕЩЕНИЕ КРОВЬЮ

Слегка прищурившись, Каменц рассматривал приближающееся английское судно. Старый морской волк, он никогда не мог до конца понять отношения профессионалов к подобным случаям.

Он был старше, чем большинство офицеров «Атлантиса», и оставил на берегу жену. Каменц считал войну необходимым, но ужасно неприятным занятием, и первым бы порадовался ее окончанию. Он не одобрял начавших ее англичан, однако ненависть, настоящую ненависть, заставляющую людей очертя голову бросаться в бой, он приберегал для франкмасонов и популярного в Германии певца – «сухопутного моряка». Что бы тревожного ни происходило в мире, Каменц упрямо повторял: «Снова эти франкмасоны. В них корень всех зол». Когда же из репродуктора доносился звучный голос Ганца Альберса, приглашавшего насладиться радостями жизни на море, Каменц, словно разозленный бык, выбегал из кают-компании или выключал радио.

Каменц еще раз покосился на английское судно. О да, это действительно англичанин, в каждой своей линии. Длинные поперечные балки, длинная труба, старомодная корма и мрачная, массивная надстройка. Судно английское в своей предусмотрительности и английское в своей классической древности. Каменц почувствовал легкую грусть, ведь прошло не так уж много времени с тех пор, как одновременный заход английских и немецких судов в порт означал дружную попойку.

Офицер, выполнявший на «Атлантисе» административные функции, взирал на приближающееся судно со значительно меньшей долей ностальгии. Человек серьезный, член партии, он был очень удивлен, когда война занесла его на военно-морской флот. Но он был искренне предан фюреру и рвался служить ему. Даже во время приступов морской болезни, коих было немало, он сохранял чувство гордости своей принадлежностью к великой партии. Он не мог опустить бинокль – мешало волнение – и уже в который раз изучал каждую деталь судна противника. Чаще всего его взгляд останавливался на красном пятне на кормовом флагштоке. Это было свидетельство происхождения, символ служения стране, флаг, от присутствия которого в океане фюрер пожелал избавиться.

Итак, это было начало. К нему мы готовились долгие месяцы на берегу. Начиналась наша война.

Еще не успел отзвучать сигнал тревоги, как мы уже стояли у орудий, и даже самый толстокожий из нас почувствовал, что с появлением английского судна у нас начинается новая жизнь. Помню, я подумал, что еще немного, и мы переступим черту, отделяющую притворство от реальной жизни. Для нас наступал момент истины.

Даже сегодня, спустя пятнадцать лет, я отлично помню чувство облегчения, сменившее первоначальное возбуждение от встречи с судном «Сайентист». Скорость развития событий резко снизилась, их неторопливость казалась почти насмешкой – душа требовала немедленных действий.

Я оглянулся. Ситуация была уже давно отработана нами на тренировках. Последовательность действий основывалась на аналогичных прецедентах – операциях рейдеров периода Первой мировой войны. В определенном смысле информации было вполне достаточно. Сначала – сигнал, требующий остановиться, затем предупредительный выстрел перед форштевнем вражеского судна и в заключение – вежливое принятие капитуляции. Но у нас сохранялось ощущение, что историки не слишком подробно описали все, что должно происходить между моментом первоначального обнаружения противника и прибытием на борт «гостей». В общем-

то мы были готовы к некоторым отклонениям, допускали, что между прологом и эпилогом может происходить нечто большее, чем описано историками.

Что ж, посмотрим. Будем учиться на собственном опыте.

Англичане видели на нашем мостике только двух человек: капитана и меня – вахтенного офицера, ответственного за передачу приказов капитана и их выполнение. С мостика английского корабля нельзя было заметить артиллериста Каша и трех матросов, скорчившихся за полотняным ограждением дальномера. Также ничто не указывало на то, что на нашем, можно сказать, пустынном мостике находится старшина-рулевой, торпедный офицер со своими людьми, штурман и группа сигнальщиков.

Вот он, момент истины. Сейчас станет ясно, нужна ли была наша подготовка. А так ли я себе это представлял? Теплый летний день, очень спокойное море, яркое солнце. Если бы не война, самое время расслабиться и отдохнуть. А мы ждали, когда сократится расстояние между нами и противником. Оказывается, очень тяжело вынести пытку двухчасового ожидания, когда минуты кажутся годами и нет возможности отвлечься, чтобы ускорить их бег. Никакой душераздирающей драмы, просто в открытом море медленно сближались два судна, все шло мирно, неторопливо и вполне предсказуемо. Я мысленно видел, где и в каком положении будут находиться противники, когда прогремит предупредительный выстрел.

На шлюпочной палубе наш летный персонал, одетый в летние платья, возил взад-вперед коляски, которые уже обманули офицеров «Сити оф Эксетера». Булла, наш летчик, досадуя на временную безработицу, уныло прогуливался здесь же, облаченный в серый фланелевый костюм. Декорации расставлены, засада подготовлена.

Я прислушивался к монотонным голосам матросов, повторяющих расстояния. 8000 метров, 7500 метров, 7400 метров, 7300 метров...

Сигнальщик уже был готов поднять на мачту сигнальный флаг XL (стой, иначе буду стрелять). Наготове у него был и второй сигнал – не используйте радиопередатчик. Удачная мысль пришла в чью-то светлую голову – использовать разные флаги.

Англичанин приближался. Мы прислушивались к голосу, сообщавшему расстояния, и поглядывали на часы. Я опустил бинокль и вопросительно взглянул на Рогге. Тот кивнул. Наше время пришло.

– Fallen Tarnung!¹¹

На мачтах взметнулись флаги. «Кран» превратился в орудие номер 3, и конструкция на корме рухнула, явив взорам серую угрозу еще одного 5,9-дюймового орудия. На ветру затрепетал боевой флаг. Вся операция заняла не более двух секунд.

– Как часы, – проговорил один голос.

– Он подохнет от шока, – добавил другой.

А меня охватило странное чувство отрешенности, словно я находился в зале кинотеатра и в пятый или шестой раз смотрел фильм.

Подъем сигналов, приведение в действие небольшого орудия, стоявшего у нас в носовой части палубы, и предупредительный выстрел перед форштевнем судна противника, явившийся весомым подкреплением нашего предупреждения, – все это заняло меньше времени, чем мне потребовалось, чтобы написать эти строки.

Но со стороны англичанина не последовало никакой реакции. Это нас удивило. Во всяком случае, ничего подобного мы не ожидали.

Старший матрос Хельмле, получивший прозвище Лягушка, еще в мирное время был истинным фанатиком радио. Попав в военное время в радиорубку «Атлантиса», он счел, что очутился в раю. Здесь у него было множество возможностей проявить свои знания и смекалку. Он не ограничился тем, что аккуратнейшим образом записывал долгожданные сообщения из

¹¹ Сбросить камуфляж (нем.).

дома. Ему мы были обязаны появлением радио «Атлантиса». В процессе своей трудовой деятельности он не только собирал язвительные комментарии и новости, касающиеся привычек и характеров своих коллег, но также усовершенствовал довольно замысловатый музыкальный автомат. Теперь можно было за одну марку прослушать свою любимую пластинку, а тот, кому она не нравилась, мог заплатить пять марок, чтобы ее разбить.

Но такие организационные шедевры, как «все для Красного Креста», были бесконечно далеки от Лягушки. Сейчас он неподвижно стоял у приемника, прослушивая волну английского судна. Малейший намек на сигнал – и офицеры на мостике должны быть уведомлены. Занятый своим делом, он не слышал грохот предупредительного выстрела – его уши были закрыты чувствительными наушниками, которые он, для верности, прижимал к голове руками.

Неожиданное жужжание, а за ним писк морзянки. «QQQ... QQQ... Неустановленное торговое судно приказывает мне остановиться». Рука Хельмле нажала лежащий перед ним ключ, прервав крик англичанина о помощи, и одновременно он сообщил на мостик: «Судно вышло в эфир!»

«Забавно, – подумал он, – но несколько слов простого моряка могут подтолкнуть всю команду к немедленным действиям. Да, таков уж я, Лягушка, душа любой компании».

Противник не ответил на наш сигнал XL, потому что просто-напросто не прочитал его. В какой-то момент, если не считать этого неподчинения, все казалось вполне нормальным, на борту английского судна было пусто – только на мостике стояла одинокая фигура. Но уже в следующий момент его силуэт начал стремительно меняться. На наших глазах оно быстро «худело» – становилось меньше и тоньше. Оно поворачивало! Вот оно выполнило поворот, и мы увидели перед собой клочья белой пены, вырывающиеся из-под его кормы. Англичанин уходил!

Из состояния удивленного оцепенения нас вырвал голос Лягушки, сообщивший, что судно продолжает передавать.

– Feuerlaubnis!¹² – рявкнул Рогге.

Каш одобрительно улыбнулся, блеснув ровными белыми зубами, и, поразив своей внезапностью, началась наша война.

Когда прозвучал бортовой залп, мои уши пронзила острая боль, а подошвы на мгновение оторвались от пола – «Атлантис» содрогнулся всем корпусом. Ноздри наполнились едкой и очень противной вонью кордита. Орудийный дым, заполнивший мостик, на какое-то время скрыл от нас мишень. Когда он рассеялся, я увидел четыре пенных фонтана, почему-то очень медленно поднимающиеся из моря со всех сторон от британского судна. Они немного постояли, изображая колонны, прежде чем снова обрушиться в воду с грохотом, сквозь который я едва слышал голос Каша, восклицавший:

– Еще! Еще раз!

– Передача продолжается! Они радируют в эфир!

– Несчастные ублюдки, – грустно заметил кто-то.

– Это точно, – буркнул кто-то еще.

– Тихо вы! – прикрикнул Пигорс.

Две вспышки, казавшиеся пронзительно красными, возникли на палубе английского судна. Его окутало пыльным облаком – черно-серым, – такое появляется, когда выбивают очень грязный ковер. Все, происходившее перед нами, было совершенно не похоже на то, что мы видели при попадании в учебную мишень. Вот и пыльное облако почему-то не осело, а стало медленно подниматься в небо. Наши орудия пристрелялись.

– Еще! Еще раз!

На этот раз, еще над морем не успел стихнуть залп, радист сообщил:

¹² Разрешение открыть огонь (нем.).

– Передача прекратилась.

Вслед за пылью появилось облако девственно белого пара, поднимающегося из трубы мишени. На фоне синего безоблачного небо оно образовало некую странную фантастическую картину и поплыло прочь.

– Прекратить огонь! – приказал Рогге, и на нас навалилась нереальная тишина.

Мы видели, что британское судно остановилось. Его палубы, только что пустынные, теперь ожили, по ним метались люди, спешившие занять места в спасательных шлюпках. В нескольких местах были заметны языки пламени. Следующим этапом наших действий была отправка абордажной партии, в состав которой входил и я. Мне предстояло ступить на «британскую землю».

За мной в шлюпку забрался Фелер, который, заняв устойчивое положение, перегнулся через планшир, поднял один из 15-килограммовых ящиков с динамитом и поставил его в шлюпку. Его рыжая борода, которую он любовно выращивал, – ему нравилось, что цветом она очень гармонировала с такими же пламенеющими, хотя и не всегда чистыми волосами, – решительно торчала вперед. Раньше я этого не замечал, должно быть, сказалась важность момента. Наш взрывник наконец оказался при деле. Его задача заключалась в установке и подрыве зарядов, которые должны затопить вражеское судно. Он трудился с энтузиазмом профессора, который как раз собирался продемонстрировать доказательства научного тезиса, осмеянного всеми, кроме него.

Фелер имел авантюрную жилку пирата, но его подход к пиратству заключал в себе пылкую жажду исследовать и экспериментировать, как у университетского профессора. Любитель подшучивать над другими, в часы досуга развлекавшийся такими выходками, как впрыскивание хинина в тубики с зубной пастой своих коллег, он имел нюх на работу с бризантными взрывчатыми веществами, в результате чего в нем удачно сочетался блестящий профессионал и бесшабашный авантюрист.

Его монолог, начавшийся сразу после отхода нашей шлюпки от борта «Атлантиса», касался исключительно технических деталей. Он решил разместить взрывчатку в двух стратегических точках: у переборки, отделяющей машинное отделение от переднего трюма, и у переборки между машинным отделением и кормовым трюмом – как сказано в инструкции.

– Но я не понимаю, почему мы должны заниматься таким трудоемким делом, как транспортировка зарядов по внутренним помещениям судна, – сказал он и задумчиво добавил: – Возможно, в будущем я попробую снаружи и опущу их с палубы на канатах.

Позже он действительно ввел именно такую процедуру, но в тот момент мы хотели быть совершенно уверены, что все делаем правильно. О да. Мы работали в точности «по инструкции». Я, к примеру, имел при себе совершенно ненужный груз в виде большого маузера, закрепленного на поясе, остальные члены абордажной партии тоже двигались отнюдь не налегке. У них были ручные гранаты, оружие на портупелях и автоматы. Только по прошествии некоторого времени я отказался от столь впечатляющего вооружения, как абсолютно лишнего, оставив при себе только объемистую полотняную сумку, в которую складывал судовые журналы, газеты и документы.

Когда мы отошли от борта, «Атлантис» оказался с наветренной стороны от нас и шлюпок с «Сайентиста», играя, таким образом, роль укрытия. И я смог как следует рассмотреть наши жертвы. Скажу откровенно, моим первым впечатлением было удивление, искреннее изумление при виде множества темных лиц. Я никогда раньше не встречал индусов и полагал, что на английском судне должен быть чисто британский экипаж.

На «Сайентисте» остался только один человек, который, когда я поднялся на борт, окинул меня холодным взглядом и скупно, но вежливо поздоровался. Мы оба были несколько растеряны. Я нарушил молчание первым:

– Предъявите, пожалуйста, судовые документы.

Оказалось, что «Сайентист» – судно фирмы Гаррисона. Оно везло груз руды, хрома, красной меди, шкур, коры для дубления, маиса, муки и джута и направлялось из Дурбана во Фри-таун, где собирался конвой в Англию.

Когда с формальностями было покончено, Фелер занялся зарядами, а я принялся обыскивать каюту капитана, мостик и штурманскую рубку в надежде обнаружить приказы, секретные документы, шифры и почту. Эта неприятная работа ничего не дала, поскольку капитан «Сайентиста» хорошо знал свое дело и еще до нашего прибытия успел уничтожить все маломальски интересное. Поэтому мою добычу составили несколько биноклей, сигнальные флажки и хронометр. Мы занимались новым для себя делом, поэтому и Фелер, и я потратили больше времени, чем рассчитывали. Даже сознание того, что мы находимся на борту британского судна при столь необычных обстоятельствах, заставляло нас двигаться медленнее. Было что-то очень странное в том, что мы ходили по каютам, где на переборках висели фотографии жен и подруг, матерей и детей. Они, казалось, упрекали нас за то, что мы роемся в личных вещах тех, кто еще несколько часов назад был здесь. Но война есть война, и британским матросам еще здорово повезло. Все могло сложиться намного хуже.

Обыскивая каюты офицеров, я был удивлен, увидев, в какой тесноте они жили. «Сайентист» был старым судном, и даже каюта капитана была вдвое меньше, чем мои личные апартаменты на «Атлантисе». Радиорубка тоже представляла интерес, правда, несколько иного рода. Каш относился к своей работе ответственно. Прямое попадание снаряда превратило это помещение в груды обломков, деревянных, пластиковых, металлических. Чудо, что при этом уцелел радист, отделавшись незначительными ранениями.

Все помещения судна постепенно заполнялись острым запахом горящего джута. Я вышел на палубу и наткнулся на тело убитого матроса-индуса. Он лежал на животе в луже крови – осколки разнесли ему череп и искромсали плоть. Конечно, мне уже приходилось видеть трупы, как-никак я посещал занятия в анатомичке. Но эта бесформенная куча сломанных костей и разорванной плоти, двадцатью минутами раньше бывшая здоровым сильным человеком, произвела на меня незабываемое впечатление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.